

Капустин Александр

Сказ о том как царь Петр и Меньшиков в будущее слетали

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Капустин

**Сказ о том как царь Петр и
Меньшиков в будущее слетали**

«Автор»

2022

Капустин А.

Сказ о том как царь Петр и Меншиков в будущее слетали /
А. Капустин — «Автор», 2022

Не знаю, почему написалась эта книга. После выхода в 2006 г. Моей первой книги «Пособие по романтике» в соавторстве с художником Сергеем Корсуном, появилось много зарисовок, которые постепенно связались в сюжетную линию. Сразу поставил себе цель писать только тогда, когда пишется, не взирая на сроки и планы. В итоге писалось около 7 лет. И вновь огромный респект и уважуха Сергею Корсуну за его огромный талантище. Искренне Ваш Александр Капустин. P\S Уважаемый читатель! Не понравится, виндовая корзина рядом. Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

© Капустин А., 2022

© Автор, 2022

Александр Капустин Сказ о том как царь Петр и Меншиков в будущее слетали

Петр I не чаял души в Меншикове. Однако это не мешало ему частенько поколачивать светлейшего князя палкой. Так и в этот раз, сидя за чаркой, уже далеко не за первой чаркой, между ними произошла изрядная ссора, в которой Меншиков крепко пострадал – царь разбил ему нос и поставил под глазом здоровенный фонарь. А после чего выгнал со словами:

– Ступай вон, щучий сын, и чтоб ноги твоей у меня больше не было!

Меншиков послушаться не посмел, исчез, но через минуту снова вошел в кабинет... на руках! Петр расхохотался, обнял Алексашку, и напилась они уже всерьез. Уснув под утро в обнимку, они богатырским храпом разогнали всю кабацкую живность, и, до полудня состязались в руладах и коленцах как опытные храповщики. Пробуждение было настолько же тяжким, насколько легким было предыдущее выпивание.

Первым приоткрыл глаза Алексашка. Его разбудил необычный монотонный гул, доносившийся откуда-то со стороны. Меньшиков изрядно потянулся, похрустел суставами и огляделся. Его не удивило, то, что спали они под открытым небом. Не впервой после гулянки было оказываться в таком положении. Скукошившаяся, двухметровая фигура Мин Херца, расположилась под соседним кустом. Вокруг головы Петра было разбросано с десятков бутылок с незнакомыми этикетками. Охх! И, правда, говорят – пьяному море по колено, а лужа по уши.

Александр Данилыч, с трудом фокусируя взгляд, попытался издалека прочесть названия – Carlsberg, Tuborg, Kronenbourg 1664 ... Видать у Пети Милле в трактире посидели, мелькнуло в голове у Меньшикова. Только у него такой выбор иноземного питья есть. Это ж сколько денег мы там оставили!? Затем, он испуганно уставился на бутылки с красивыми этикетками – Балтика №7, Арсенальное, Балтика №9 – Крепкое. К-реп-кое по складам прочитал Меньшиков. А это откуда? Усы Петра в такт храпу шевелились, аки у таракана, ощупывающего лакомый кусок, хотя кусок то рядом и не было видно. Алексашка хотел было, шутя пощекотать царя травинкой. Потом пощупал набухший фингал и, почему-то передумал. Он вновь с хрустом потянулся, и все еще поглядывая в сторону непонятных бутылок, отошел к соседнему кусту справить малую нужду. Количество выпитого вчера давало себе знать. Облегчаясь, Меньшиков вспомнил рассказанную намедни Балакиревым байку – ...пошел мужик в лес справить малую нужду, встретил там медведя.....заодно справил и большую.....настроение быстро поднималось. Алексашка громко расхохотался, чем разбудил Петра. Петр Алексеевич заворочался, потом сел, и огляделся вокруг мутным взглядом. Взгляд остановился на поправляющем штаны Меньшикове. Петр прислушался к ощущениям внутри, и.....тоже убежал за куст.

Возвратившись, он сказал :

– Чего ржешь, коровья морда? Разбудил.

Меньшиков пересказал царю Балакиревскую байку. Хохотнули оба.

Мин Херц! А вот скажи. Ты когда успел Петру Милле зелья российского назаказывать? Да еще крепкого?

Петр недоуменно уставился на Алексашку. Какого зелья? Ты чего мелешь? Меньшиков показал глазами на гору бутылок. Царь, читая этикетки, остекленел. Пауза затянулась.

Вдруг, затрещали кусты, и из них на поляну выскочил негр, в помятых джинсах и кроссовках. За ним неслось человек пять, которые были наряжены в непонятные для Петра и Меньшикова одежды и размахивали железными прутьями. Головы у всех были выбриты как бильярдные шары. Штаны и футболки покрыты пятнами, сливающимися с листвой и травой. На ногах кожаные ботинки со шнуровкой и на толстой подошве. Почти у всех на плечах красовались татуировки в виде свастики. Они орали во все горло – Аааа-туууу!. Лови баклажана!!! Негр проскочил мимо Петра, и попытался проломиться через кусты. За кустами оказалась чугунная решетка. Он прижался к ней и затрясся от страха. Петр, не думая впечатал первому, наиболее рьяному парню в глаз. Тот кувыркнулся раза три в воздухе, улетел в колючие кусты, и там затих. Да! Недаром государь частенько помахивал кувалдой в кузнице. Оставшиеся четыре бугая резко притормозили. Алексашка, как бы ненароком пододвинул к себе ногой вывалившийся из рук улетевшего хлопца, железный прут, и проговорил – Полегчало нашей бабушке – пореже стала дышать.

Петр заорал на них:

Пошто арапа ловите? Хороняки прыщавые?

Скинхеды (а это были именно они) тупо уставились на Петра . Предводитель вдруг хлопнул себя по лбу и закричал. Ну, вы блин даете. Чего сразу не предупредили, что арап ваш, театральный. А Прыща откуда знаете? Слышь – ты , пионер Африки, в следующий раз хоть пятно на щеке не гримируй, а то наваяем по ошибке полную кружку, будешь всю жизнь на больницу работать. И, обращаясь к Петру – ладно отцы , ошибочка вышла , не признали в гриме Вас. А Петр-то как настоящий. Ишь ! Гляделками как ворочает! Немирович- Данчич блин.

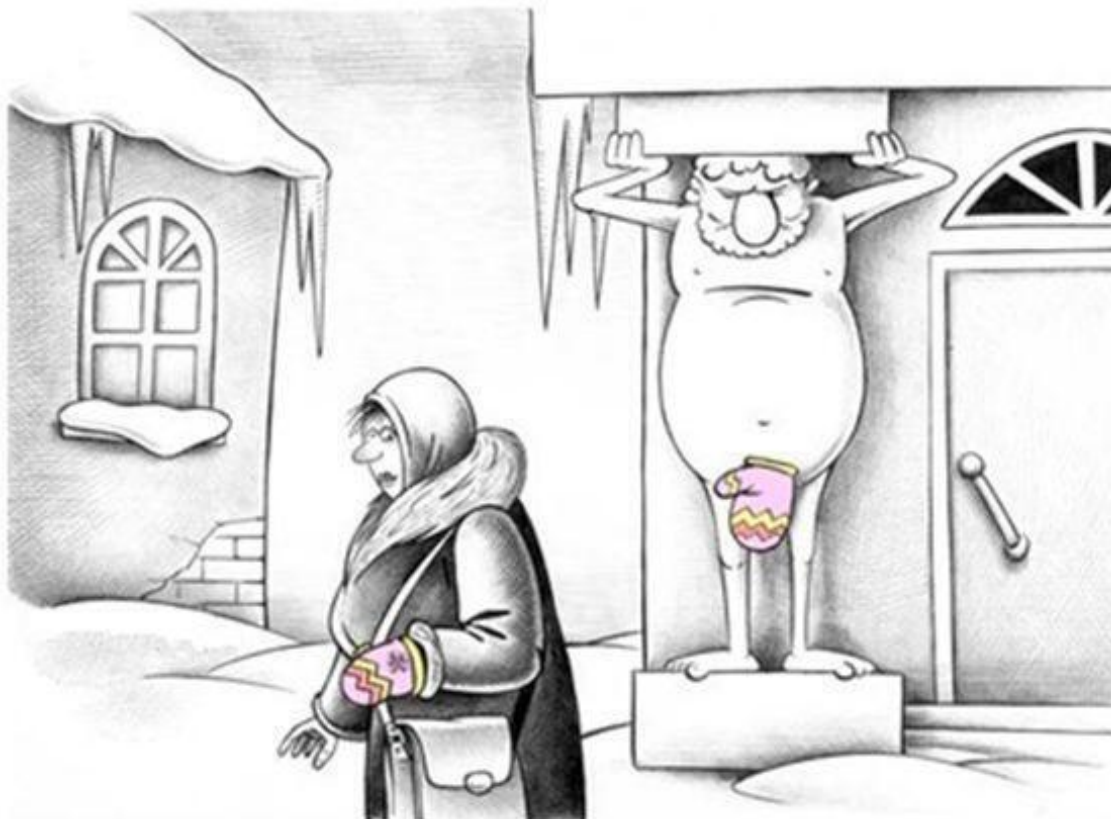
Затем повернулся к своим и скомандовал – Ша ! Бонявые (*Бон – Представитель движения НС-скинхедов*), разворачивай гринды (*Гринды – собирательное название ботинок типа Grinders, Camelot, dr. Martiens и подобных*), ошибочка вышла, отцы, баклажана с лабухом теат-

ральным перепутали, берем Прыща из кустов и айда сначала на стадион. Там прихватим саппортов (*Саппорт - Футбольный хулиган придерживающийся правых взглядов*), потом на базар серпоносых (*Серпоносые – лица кавказской национальности*) гонять и по общагам – китам (*Киты – Китайцы*) адидасы в задницы засовывать, а прочим гукам (*Гуки – Азиаты*) обратно глаза круглыми делать.

Компания по команде развернулась, подхватила, все еще не шевелящегося Прыща из кустов, дружным шагом удалилась.

Петр повернулся к арапу:

Чьих будешь? Холоп? Пушкиных?

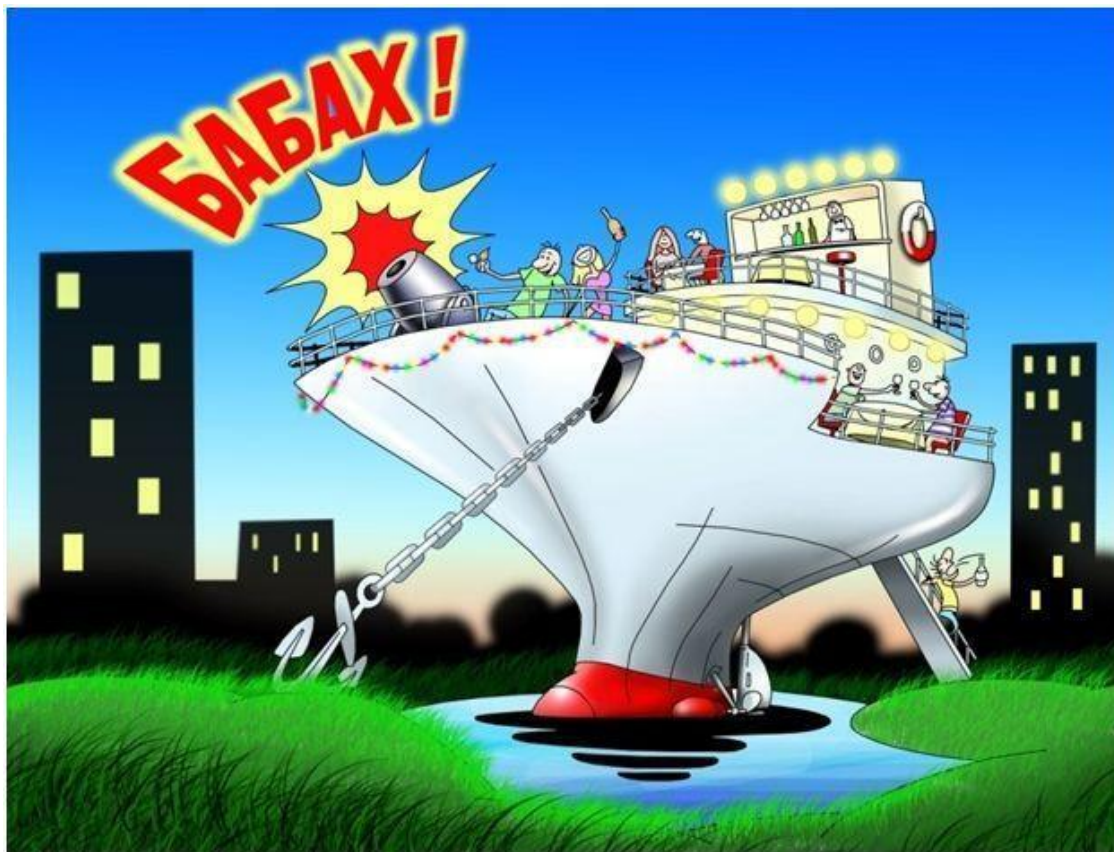
Арап, отдышавшись, перевел глаза на Петра и произнес – никаких не Пушкиных. Фамилие мое – Патрислумумбов. Сразу поясню – это в честь института в котором папаня учился. Он в первую Олимпиаду в Москву приехал. С мамкой познакомился. Вот я потом и появился. Меня так и зовут Иван Ситвияндович Патрислумумбов. Эх, дал же бог имечко мне от родителей. Мало того, что рожа такая черная, что вовнутрь светится, еще и имя с фамилией такие, что на любой подпольный съезд скинхедов без паспорта, пускают в качестве учебного пособия. Петр попытался остановить арапа – погоди Иван! Но того понесло. Говорил же им – не надо! Ванька, блин. Хотя и фамилия – Патрислумумбов....блин. Тьфу. Уеду в Африку на родину. Может просто съедят там, чтоб не жить на белом свете. Иван было вновь открыл рот, но находчивый Алексашка, понимая по виду Петра, что еще чуть-чуть, и тот либо просто съедет с глазду, либо закатает в лоб арапу уже с правой, перебил его. Он громко заорал – малчааать, титька тараканья!! Хочешь, бонявух назад позову? Они тебе быстро твою курчавую тыкву наголо побреют. Будешь у них барабаном коричневым под цвет повязок подрабатывать. Лоб что лопата, а ума небогато, языком, что помелом машешь. Арап испуганно замолчал и прижался к чугунной решетке. Меньшиков повернулся к Петру. Тот бешено вращал белками глаз, хватал ртом воздух и трещал усами при выдохе, как майский жук крыльями в брачном

танце. Данилыч! Что это? Куда мы попали ? Данилыбыч?! Арап пользуясь заминкой скользнул ужом в кусты и просочившись сквозь них темной дымкой исчез. Ништо, Петр Алексеевич! Если голова болит, значит, она есть. Прорвемся...к Шведам под Полтаву. Давай аккуратно поглядим вокруг. Алексашка медленно подошел к чугунной решетке , раздвинул кусты и стал разглядывать что-то между прутьями. Ты смотри, Петропавловка с Невой на месте . Значит мы в Питербурхе. Уже хорошо. А это что такое мать твою итиить!? Петр подошел и заглянул тоже. По Неве с ревом неся, поднимая буруны катер набитый людьми. Люди пьяными головами горланили разухабистую песню:

«Grote klokken zeggen bim, bam, bim, bam. Kleine klokken zeggen tikke, takke, tikke, takke. En de hele kleine polshorloges zeggen tikketikketikketik» (Голландская детская песня про часы)

Один из них держал в руках флаг.

Никак голландцы сказал Меньшиков. Про часы поют, и флаг ихний. Чего они тут на Неве делают. И на чем таком диковинном плывут? Петр задумчиво заметил – ну, Алексашка , голландцы известные мастера морские. Видать чего-то новое выдумали. Мдааа! Берут завидки на чужие пожитки. Давай ужо к Неве что-ли выбираться, там посмотрим, что к чему. А то сидим аки разбойники вышедшие зипуна добывать в кустах. Они медленно пробирались вдоль чугунной решетки. Под ногами часто попадались стеклянные бутылки с разными названиями иногда заморскими, но чаще на русском языке. Больше всего было различных «Балтик», но попадалось и «Невское» , знакомое в названии слово «Афанасий» тоже радовало глаз. Так же много было под ногами непонятных обугленных палочек. Подняв одну палочку, и растерев между пальцами, Петр унюхал знакомый запах , отдаленно напоминавший голландский табак. Делааааа, пробормотал он...неужто табак, какой новый? Через некоторое время Меньшиков обнаружил в решетке дыру , через которую в лес уходила натопанная тропка. Рядом с лазом изрядно смердило мочой. Бумажных палочек и бутылок было накидано намного больше. Петр поморщился – вот тебе и феншуй заморский. Оба пролезли в лаз и опешили. Нева несла свои темные беспокойные воды как всегда в сторону залива. Прямо перед ними у гранитного парапета стоял огромный парусник. Меньшиков громко прочитал название на борту – **БЛАГОДАТЬ**. Эвано, какое чудо Петр Алексеевич. Откель у нас такой взялся? Царь пересчитал пушечные порты , прикинул свой же табель о рангах морских кораблей и задумался. То не Наш Алексашка . У этого почитай 130 пушек, а у наших и линкоров то максимум 80 бывает. Да и оснасткой больше на фрегат похож. Али купцы с тувариществом суприз сделать мне захотели, да втихаря такой в Голландии или Англии заказали? Даааа, хорош пельмень. Да на одном таком чуде не грех всю шведскую эскадру по бубынькам навозить, а уж турок и покрестить можно всех чохом. Петр заворожено оглядывал парусную оснастку, золоченые борта, медные колокола и бляшки.

Да он, поди, аршин сорок в длину будет, да и в ширину не меньше десяти. Красавец. Мин герц ! А флаг то наш Андреевский! Никак купцы каналы , все-таки подарок спроворили? Петр отвечал – Дождешься от них , как же! От ушкуйников бородатых. Они и на торговый то флот денег дают в рост, а уж о военных кораблях и не помышляй. Все из казны. Около трапа ,перекинутого с корабля стоял с иголочки одетый дневальный матрос. Вечерело. Петр с Меньшиковым подошли к трапу. Петр спросил у матроса – чьих будет сей корабль? Не могу знать господин бомбардир-капитан, отчеканил матрос. Вас ждут в капитанской каюте. Петр приосанился и стал подниматься на борт. Меньшиков, чуть отставая, шел за ним. Петр вполголоса сказал ему – ничего не понимаю, воистину – Бороться и искать – найти и перепрятать. Меньшиков хмыкнул в ответ. Они поднялись на верхнюю палубу. Палуба была застлана красной ковровой дорожкой. В конце дорожки стояла румяная длинноногая девица в кокошнике с подносом , на котором красовалась запотевшая рюмка водки. Петр размашистым шагом подошел к девице, взял рюмку, привычно выпил, занюхал корочкой хлеба, отломив его от каравая, вытер рукой усы и троекратно облобызал девицу. Хороша! Сказал он-то ли в адрес девицы, то ли в адрес анисовой водки. Прозвучал приветственный залп из орудий, обращенных в сторону Невы. Оркестр грянул непонятную красивую музыку. Хор запел – «Боже царя храни !!!». Небо раскрасилось фейерверками. Петра и Меньшикова окружили фрейлины и кавалеры. Беспрестанно чокаясь с ними фужерами с мальвазией, мозельским , а то и просто анисовкой, Петр вначале пытался выяснить по какому поводу сия ассамблея, и кому принадлежит этот фрегат. Потом царь слегка захмелел, и просто отплясывал с барышнями. Последнее что он помнил, это то , что какая-то дама , с несколько кавказским лицом, оттопырив мизинец , откушивала серебряной ложечкой битую черную икру и взахлеб рассказывала о недавней презентации , проходившей на крейсере «Аврора» другой даме. Вторую даму шепчущиеся за спиной гости называли Собчак, а первую – Тина. Петр еще подумал – это , татарского хана жена или дочь? Помнил он так же, как Меньшиков привычно одаривал всех присутствующих румяными пиро-

гами из добытого где-то короба. Ноги у Алексашки изрядно заплетались. И уже совсем смутно, помнил то, как будто сквозь пелену, они в обнимку с Меньшиковым смотрели чудный балет на палубе, циркачей, и певцов с певицами, потом гости ныряли с палубы в Неву, откуда их доставали толи рынды, толи матросы в непонятных оранжевых нарядах.....

И вновь утром первым открыл глаза Меньшиков. Голова гудела, как Царь-колокол. Рядом храпел Петр как Царь-пушка. С трудом оглядевшись, Александр Данилыч узнал то же место, в котором очнулись утром. Только бутылок вокруг головы Петра изрядно добавилось. Кроме того, кто-то заботливо подложил под голову государя дамский ридикюль розового цвета с рюшками и накрыл его лицо таким же розовым, кружевным платком с вышитым вензелем – «Екатерина Великая». Платок мерно колыхался в такт дыхания Петра. Меньшиков с усилием наморщил лоб, припоминая, как Петр отплясывал сразу с двумя полуодетыми балеринами свой любимый «гросфатер». После чего уже танцевал весь фрегат, и пары оседали по каютам, кубрикам и прочим укромным местам. Охxxx! Подумал Меньшиков. Неужто государыня-матушка приходила. Рука у царицы была тяжелой. Это Меньшиков знал не понаслышке. За «живой» оградой послышались голоса. Кто-то ругался. Алексашка раздвинул кусты. Около трапа фрегата «Благодать», вчерашний матрос препирался с двумя мужиками. Один из которых был длинный и худой, как Петр, второй, пожалуй, фактурой походил на самого Меньшикова.

Мужики наседали на матроса, требовали позвать какого-то «менеджера». Из перепалки стало понятно, что мужики – лицедеи. Их якобы вчера пригласили на корпоратив, на котором они должны были изображать Петра I и Меньшикова. Матрос вначале отнекивался, затем сказал. Что вчера были двое, наверное из другого театра. Они и отыграли весь вечер, да так, что публика была в восторге. Да и заплатили им неплохо. Длинный мужик, шлепнул треуголку оземь и произнес – пошли Худодот, опередили нас опять. Нее-еет ответил двойник Меньши-

кова. Я вас умоляю. Когда это было, чтобы Худодота Цынмана так невежливо обошли? Унас здесь што? Тут тебе не там тебе? Мы, как два распоследних бездельника переносим именно свои спектакли. Мой, не побоюсь этого слова, партнер, уважаемый Исрул Брунфентринкер, оставляет беременную таки жену дома. И смешно бежит, поддернув панталоны, чтобы выполнить свою работу. А здесь такая чудовищная несправедливость.!? Куда катится мир? Исрул? Исрул многозначительно кивнул, и поправил выбившийся из под парика пейс. Мы этого так не оставим. Позови менеджера. Матрос пожал плечами – позову. Только вам до вчерашних артистов, как титьке тараканьей до груди Венеры Милосской. Вы бы видали, как они ассамблею вели, менуеты с контрдансами отплясывали? Фигура – первая. Кавалеры крутят дам, а дамы отступают и наступают.матрос стал изображать танец. Пейсеносцы изумленно тарасились на него. А вы чего? Тут вам не в хаванагилу балетные па вставлять, тут высшее искусство. Давешний Петр выделявал такие скачки и прыжки, что даже московская дива Тина с Собчачкой растаяли. Ой-ой – ой произнес Брунфентринкер, тоже мне знаток. Хотя, уважаемый Цынман, а откуда у театральных лабухов такие познания в контрдансах и гросфатерах? Мдааа, тут не иначе из Пушкинского поработали. Куда нам васильевостровским в нашей «Сатире» до таких познаний? Цынман тяжело вздохнул. Они погрозили кулаками толи матросу, то ли кораблю, то ли незримому менеджеру, и, переругиваясь, пошли прочь.

Алексашка повернулся к спящему Петру, и вдруг разглядел торчащую у него из кармана толстую пачку каких-то цветных бумаг. Похлопав по карманам, он обнаружил и у себя такую же пачку, но, потоньше. На одной стороне бумаги был изображен непонятный выюнош с гордо скрещенными на груди руками, при сабле на боку, и эполетами на плечах. Би – лет Ба – н- ка Ро-сси-и, прочел Меньшиков. Пя-ть ты-сяч руб-лей. От те, нате, хрен в томате, охал дядя, на чужие деньги глядя!!! Прошептал Алексашка, да тут только в моей пачке тыщ триста будет! Воистину говорят – Баба с возу – потехе час! Это ж по-нашему, 15 кораблей в Голландии или Англии купить можно. А ежели у себя строить, так и все тридцать получится. Зашеве-

лился Петр. Усы под платочком задвигались, и Петр оглушительно чихнул. Платочек отлетел в сторону. Петр сел, и, протирая глаза, нащупал рядом стоящую початую бутылку. Премного отпил. Крякнул, глаза его навелись на резкость, и он, уже не таким мутным взором осмотрелся вокруг. Глаз сфокусировался на Меньшикове. Данилыч, потрясая пачкой банкнот, приготовился было поведать царю о неведомо как свалившемся на них богатстве. Однако в этот момент кусты затрещали, и оттуда появилось некое подобие бильярдной пирамиды. Причем, в качестве битка выступала черная, кудрявая голова вчерашнего арапа, а за ним быстро двигалась пирамида вчерашних, бритоголовых скинов. Арап привычно попытался просочиться через решетку, скины за ним. Петр, тоже привычным движением «разбил» пирамиду, влепив первому скинхеду в глаз. Им оказался опять же давешний Прыщ. Он изобразил в полете петлю Нестерова, и, дрогнув напоследок толстоподошвенным модным Camelotом, затих в облюбованном, наемни кусте. Пирамида раскатилась. Вперед вышел вчерашний фюрер, и озадачено произнес. Во блин, день сурка, блин. Петр ненароком согнул туда и обратно подобранный с земли железный прут. Фюрер судорожно сглотнул. Пошто опять к арапу пристали нехристи? Бешено вращая белками с красными прожилками, проговорил Петр. Не желая терять авторитет, фюрер прокричал арапу, испуганно выглядывающему из-за спины Алексашки – Ахереть мона! Ну ты, блин, джедай, блин. Тебе же говорили, раздупись и ходи по городу без грима. Еще раз поймаем, устроим тебе Тайд с кипячением адновременно. И, обращаясь уже к Петру – Рекогнайз (*Recognize – привет скин.*), апать ошибочка вышла ааатцы. А вы чего лелики штоли (*Лелик – друг скин.*), каждый день на одном месте маракуете? Тханкс (*англ. – спасибо*) что разбор полный не устроили, ну, не признали апать лицедея в гриме. Повернулся к своим и прокричал. Атас пацаны. Хватай Прыща. Дефилируем со жмура. Поцинковали на Лиговку. Тама наши и картоффели (*KartoFFel – Skinhead боец, хулиган болельщик команды "СПАРТАК"*) рулезный (*Рулёз – круто*) махач (*махыч, драка*) с некстами (*Поколение Next – реперы*) собираются устроить. По дороге заскочим к ляляке (*Ляляка – новый русский*) одному, он обещал нас на мордаляп пофоткать (*Мордаляп – фотоаппарат*), а за это бабасов (*Бабасы – деньги*) отвалить. Прикупим на шару (*На шару – даром*) маянезу (*Маянез – самогон*) для тонусу, фак клинтон (*fuck clinton – выражение скинхедов, выражающее свою ненависть к всему западному*), нашенского. Гумманойды!!!! (*Гумманойд – skinhead*). Хватай Прыща. Поскакали. Да каску (*Каска – голова*) ему поправьте валенки (*Валенок – полный тормоз*), вы ж не абапелы (*Абапел – ну полный идиот*) ляпупельные (*Ляпупель – чел тормоз*), а то обдолбыша (*Обдолбыш – придурак*) в штаб донесете, он все столбы репой лысой (*Лысый – скинявый*) пересчитает по дороге. Пирамида развернулась и поантилопила обратно. Роль битка теперь играл Прыщ, у которого фонарь под другим глазом стремительно набирал силу, закрашивая постепенно и лысину.

Алексахка произнес им вслед многозначительно – Рожденный ползать на голову не нагадит... Петр ошарашено спросил – а это што за иноземцы? Язык вроде и наш и не наш! Слышь, Ситвияндыч, может, ты знаешь? Арап перестал дрожать и ответил. Чего тут знать? Наши. Отморозки. В гитлеров не наигрались, как их земля носит. Никакого спасу от них нету ни нам, ни джумшутам с равшанами. Милиция давно рукой на них махнула. Петр пробормотал – Ни рыба, ни мясо – ни кафтан, ни ряса.....Арап промямлил – мужики! А у вас пивка не найдется? А то мне еще на Петроградскую чапать. В горле пересохло от этих олимпийских игр. Петр пошарил за спиной и достал три бутылки «Балтика -9». Откупорили. Из под пробок потянул вкусный дымок. Выпили. Меньшиков спросил. А! Скажи друже Ваня , какой нонче год на дворе? Арап подскочил на месте – ну, вы блин даете дядьки. Допились. Какой! Какой ! Две тыщи девятый с утра был. Петр с Меньшиковым окаменели.. Допили пиво. Петр многозначительно покрутил треуголку и произнес. Ну, да чему быть, тому не миновать! Пойдем, осмотримся, надо ж и тут как то выживать. Много храбрых, на полатях лежучи. Да уж, ответил Меньшиков – Трын тринил на святой Руси, да и протрынился еси.....Куда направимся ? Мин Херц? Петр размышлял. Затем выглянул через ограду, и прикрываясь от солнца , как козырьком поглядел за Неву. Смотри! Алексахка! А кунст-камера то моя за мостом, как стояла, так и

стоит! Пойдем , поглядим штоли? Меньшиков взгляделся тоже. Пойдем. Только , государь, как же мы Неву-то преодолеем? Ванька–арап подбоченился, и произнес. А чего ее преодолевать-то вон мост еще не развели. По нему и пройти можно. Дяденьки, а у вас не найдется пару рублей? Совсем обеднел. До степухи не дотяну. Меньшиков не глядя, протянул арапу 5-ти тысячную купюру. Тот ахнул и проговорил – или Рокфеллер – или фальшивую суешь? Или впрямь государь пожаловал!? Меньшиков дал арапу затрещину. Ты кого, козья морда поносным именем называешь и в фальшивках подозреваешь? Государя всея Руси!? Петра Великого. Да я тебя сейчас лично палкой отхожу, или лысых пряников обратно кликну. Они тебя враз наизнанку мехом вывернут. Будешь , правда не белым, так хоть розовым спервоначалу. Иван Патрислумбцов заскулил. Не надо, не признал сразу , а давайте я вас провожу до кунсткамеры. Мне все равно в ту сторону топать. Только деньги не отбирайте!? Лепо сказал Петр. Веди. Но ежели еще чего поганое про меня брякнешь, я тебе вот энтим кулаком таку припарку пожалуйю, что даже на твоей харе блямба проступит, не запудришь.

Ну, чего!?! Как говориться – скучен день до вечера, коли делать нечего, проговорил Петр. Допиваем сие зелье и в поход. Так и не понял чего пили, по виду пиво, на вкус дерьмо, но в голову шибает крепко. Допили, крикнули, и по очереди полезли в оградную дыру на улицу. Вылезли аккуратно перед трапом фрегата «Благодать». Матрос сразу узнал вчерашних гостей, молодежато откозырял. Невдалеке стояла группа туристов из Японии. Петр обратился к матросу – ну как служба? Матрос ответил – стараюсь, Вашбродь! Петр привычно потрепал его по плечу, обернулся к Алексашке. Дай ему на водку. Меньшиков достал из кармана 5-ти тысячную купюру и отдал матросу. Благодарил государя, шепнул Меньшиков. Матрос, опешив от такого богатства, шлепнул бескозыркой о гранит набережной, и, прослезившись, отчеканил.

Да, мы вашбродь, за Вас, да ежели Вы так, да мы ж.....и не найдя слов прокричал троекратно – Урааааа! Урааааа! Урааааа! Петр степенно ответил. Ну, полно, полно. А вот скажи, как мы вчера погуляли? Матрос закатил глаза и произнес – оооооооо! Такого веселья этот корабль со времен спуска на воду не видел. Задали Вы перцу всем вашбродь. Одна мамзеля, как она все время говорила – праправнучка Екатерины великой, Вас ажно за ограду проводила. Насилу хахаль ейный с охранниками уняли и увезли. Алексашка подумал про себя – так вот откуда ридикюль с платочком взялись. Силен Мин Херц однако. Петр же в ответ усмехнулся и многозначительно проговорил : Ну, дык, седина бобра не портит..... Эх, лепота , потянулся он (Балтика №9 прижилась в его могучем организме). Сейчас бы трубку курнуть и в поход. Матрос засуетился, достал из клешей пачку сигарет «Петр 1» и протянул Петру настоящему. Чего это? Заинтересованно спросил Петр. Никак табак !? И прочитав, название по складам, весело захотал. Смотри Алексашка – помнят Петра потомки. Трубки бумажные делать стали с моим именем. А небось не помнят ужо, кто табак на Русь завез? Матрос протянул сигарету Петру к губам, тот, осторожно взял. Служивый чиркнул спичкой и поднес огонек к сигарете. Петр затянулся, выдохнул душистый дым, и зажмурился от удовольствия аки кот на солнышке. Ты гляди Алексашка и кресало у них какое. Не нужно тюкать по 40 раз чтобы огонь добыть. Матрос, млея от счастья, протянул Петру коробку спичек и пачку сигарет. На спичечной этикетке красного цвета красовалась перечеркнутая буква «С». Добровольное спортивное общество Спартак, прочитал Петр и протянул пачку Меньшикову. Тот достал сигарету, сунул в рот, фильтром наружу. Петр чиркнул спичкой , дал ему прикурить. Меньшиков затянулся и раскашлялся до слез. Арап выхватил сигарету у Меньшикова и прокричал. Да ты што , барин!? Ее ж другой стороной курят . Взяв у Петра новую сигарету и спички , он быстро ее раскурил. Закурил и Меньшиков новую сигарету..... В это время послышались возгласы – Сегун! Сегун!. Это японские туристы , окружив Петра с Меньшиковым и арапа с матросом, принялись усиленно пыхать вспышками и водить видеокамерами. Самый настырный японец взял Петра за пуговицу , и заглядывая в глаза снизу в верх спрашивал. Цаль? Цаль лусский? Петр опешил. Ситвиандыч! Это чего за басурмане? Пошто лица желтым вымазали? Арап махнул рукой . Да не басурмане , а японцы. На острове живут. Рыбу сырую едят , повозки самодвижущиеся делают. Тем и промышляют. А лица желтые от природы. Вот как у меня тыква цвета котелка копченого, так и у них дыня желтая. Петр повернулся к японцу, оттопырив мизинец, убрал его руку от своей пуговицы , и страшно вращая белками выдохнул.

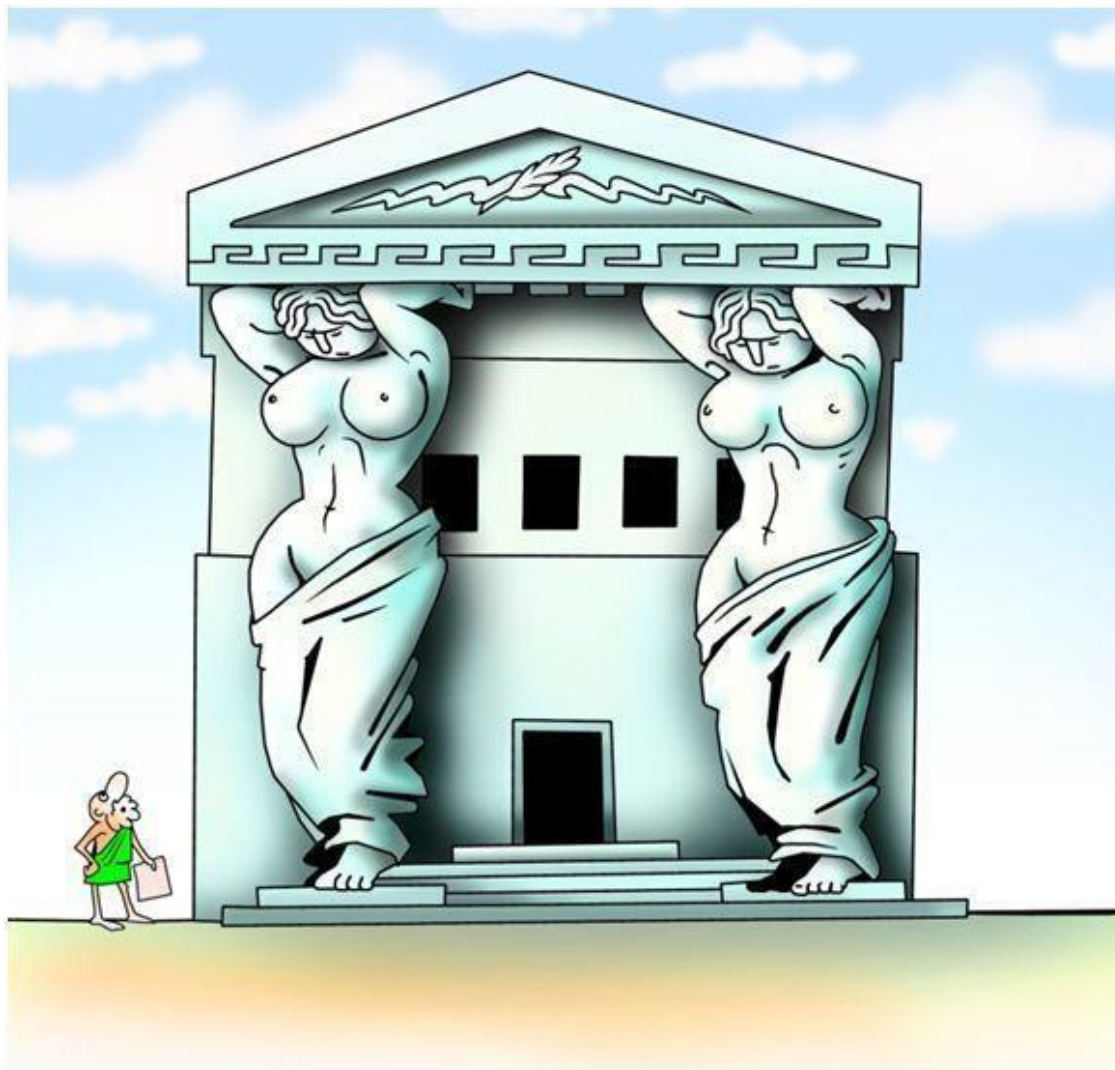

Ну, царь , царь! Чего гляделки вытаращил? Репа недопаренная? Иди ужо , пока как шведам под Полтавой пинка под зад не получил. Японец, не поняв, тем не менее, сложил ладошки, поклонился, и сказал. Хай! Лусски цаль. Коничиваа Хисасибури дэсу...(здравствуйте, давно не виделись яп.) Петр ответил – сам ты Хай, не сказать еще хуже. От поистине говорят – чем удобряли...то и выросло, килькоеды. В это время позади японцев взвился зонтик экскурсовода, и отрывистый окрик пригласил туристов к автобусу. Японец, мелко кланяясь, пробормотал. Гомэн насай, дзя мата (извините, еще увидимся яп.). Лусски цаль. Петр – ну вот опять «насаем» обозвал. Алесашка ! Может врезать ему под микитки, чтобы неповадно было? Меньшиков отгородил собой японца от Петра, и проговорил. Да брось ты его Мин-Херц, не видишь, чисто дети. И росту карлицкого и рожи цвету болезного. И, поворачиваясь к японцу крикнул – ну, ты! Клизма – знай свое место. Японец посимаронил к своей группе, часто оглядываясь и кланяясь беспрестанно. Группа быстро погрузилась в автобус и укатила. Арап повел

Петра с Меньшиковым по набережной к мосту. Мимо пробежала стайка студенток с папками под мышкой. Одна звонко рассмеялась, увидев необычную компанию и прокричала им вслед. Гляди – Петр опять арапа женить ведет. Эй ! Царь! Может, меня на нем женишь? Только приданого хочу побольше! Петр непонимающе уставился на них. Ситвияндыч! Чего это они? Да не обращайте внимание ваше величество , это бончбруевичихи с занятий идут. Кто!?! В один голос вскричали Петр и Меньшиков. Ну, студентки из института связи имени Бонч-Бруевича. Петр ошарашено – а что у вас и девицы в студентах? Да, премного! Ответствовал Иван Патри-слумумбов. Нарядятся в мини-юбки и профессоров смущают. Взошли на Дворцовый мост. На середине Петр остановился, и, оглянувшись, обомлел. На фоне редких барашков на темных Невских водах, сиял великолепный Зимний дворец. Шпиль адмиралтейства полыхал золотом. По Неве сновали всевозможные суда полные людей. Слезы потекли из глаз Петра. Смотри Алексашка! Все , как я мечтал. Значит не зря , мы бороды боярам рубили, не зря мужиков в болотах морили. Вот он град Питера, стоит века. Меньшиков тоже заморожено смотрел вокруг. Эхххх! Лепота какая ! Мин Херц! Эх! Недаром у нас на Руси говорится – попал бы ты в Питер, он бы тебе бока вытер. Постояли. Поглазели. Арап нетерпеливо перебирал ногами, но позвать идти далее не решался. Уж больно грозен был царь. Наконец, насмотревшись, Петр потянул Алексашку через мост дальше. По дороге он задавал арапу много вопросов. А скажи Ситвияндыч! Вот понастроили Вы мостов. А корабли как по Неве теперь плавать не могут штоли? Вон «Благодать» какой огромный. Небось, мачты под мостом оставит, ежели вверх по Неве пойдет. Арап, мысленно прикидывая, как бы еще стрелнуть денег, машинально , махнув рукой ответствовал. Да ништо. Мосты ж ночью разводят , так что не только «Благодать» , морские почитай проходят. Это как ? Разводят? Опешил Петр. А вон смотри , два пролета поднимаются как крылья, пропускают корабли , а на день опять опускаются. Петр восхищенно – ты ж , смотри, Алексашка, как хитро придумали. Ну , а ежели днем корабль подойдет? Ну и чего такого, будет ждать ночи. Да корабелы то все уж знают за столько лет, маршрут и рассчитывают, чтобы к разводу мостов к Питеру подойти. Петр, широко шагая, изумленно продолжал расспрашивать. Да это что же за механизма такая, чтобы эдакую громадину понимать ? В ней же весу тыщи пудов? Арап, с трудом поспевая за царем, пояснил – Так там шестеренки с зубьями в мой рост. Не просто так. Подошли к кунст-камере. Меньшиков почесал затылок и сказал – Мин Херц ! Вроде и она и не она. Петр озадаченно оглядывая строение , произнес. Дык, лет то сколь прошло Алексашка. На двери висела табличка – «Кунсткамера – первый российский музей для «поучения и знания о живой и мертвой природе, об искусстве человеческих рук»...

Петр попытался открыть дверь. Арап сказал , что без билета не пустят. Какого такого билета? Спросил царь. Арап пожал плечами. Ну, за вход платить нужно! Петр изумленно произнес. – Вот щучьи дети , и тут деньгу сдирают. Правду бают «Копни поглубже, найдешь погуще». По моему ведь указу вход должен быть бес-плат-ный. Даром! Я за просмотр экспозиции наоборот, велел дамам кофию, а мужикам рюмку водки или венгерского давать. Цукербродами (*сахарный хлебец, печенье – нем.*) всех потчевать!?! А тут наоборот деньгу берут? И что? Ваня! Ходит народ? Платит? Арап Патрислумумбов, любовно хрустя 5-ти тысячной в кармане произнес – Даром!?! Даром – за амбаром. Да полно народу ходит. Одних туристов за день по тыще проходит. Канешно, это не в Эрмитаж или там, в Петродворец, банок стеклянных с уродами народ чурается, но тоже много приходит народу.

Не страдает музей сий от безденежья. Почитай если бы не воровали процентов 85 , то в казне баальшой прибыль был . Сам того не замечая, арап тоже перешел на старорусский говор. Петр протянул арапу 2 пятитысячные купюры и велел взять билеты на всех. Тот обрадовался было, такому прибутку. Не тут то было, Меньшиков грозно погрозил кулаком и произнес – Сдачу принеси , братское чувырло. Знаю я вас лихоимцев. Арап быстро сгонял за билетами и протянул Меньшикову сдачу – две тысячные купюры четыре сотенных и штук 15 десяток. Он не поленился , сгонял к пивному ларьку и разменял деньги. Кроме этого , он вручил еще каждому по бутылке «невского» светлого. Так-то произнес Алексахка . У меня не забалуешь. Арап покраснел так, что не спас даже его природный загар, и в кармане затолкал поглубже вторую пятитысячную.

Петр, открывая бутылку, весело проговорил – Ну! Сперва аз да буки, а потом вееседи и науки.

Пиво забулькало, заструилось по царевым глоткам вовнутрь, принося с собой умиротворение.

Допив пиво, Ситвияндыч отворил двери , и все вошли внутрь.

Иван разглядев огромный плакат, на котором красовались расценки на посещение, как то , вдруг вытянулся раза три , прикрыл стоимость обычного взрослого билета в 250 рублей на человека, практически своим телом, потащил Петра с Меньшиковым в залы. У входа сидел вахтер, мужского пола. С надетой на голову пуховой шалью серого цвета , концы которой крест накрест опоясывали грудь. Вахтер, бодро создавая сквозняк спицами, вязал длинный шерстя-

ной носок. Увидев вошедших, он , не отрываясь от носка, визгливым голосом прокричал – билеты?! Арап протянул билеты. Вахтер, близоруко шурясь, пересчитал и перевел взгляд на троицу. Ух, ты батюшки! Никак негра? Ну и шуты приперлись. И уже напрямую, обращаясь к Петру . Ты чего мил человек как пугало воронье в это рванье вырядился? Ну, ладно этот малолеток ваксой намазался, а ты-то !? Переросток. Детство в заднице играет? Петр стал наливаясь гневом. Кулаки его сжались, глаза выкатились. Меньшиков, зная крутой нрав Петра повис у него на руках. Мин Херц ! Охлони! Забыл куда попали? Откуда этому полубабе царя знать.

После этих слов завелся уже вахтер. Он соскочил со стула, швырнул в угол носок со спицами. Подбоченился, отставил ногу в валенке с калошем, гордо задрал нос. Он даже стал чуточку похож на революционного матроса. Только перекрестье было не из пулеметных лент, а из концов шали. Это я-то про царя не знаю!? Это я-то полубаба. Да я почитай более 60 годков в ентом музее. Да я каких тока царей не видел. А ты не тычь носа в чужое просо. Тоже мне петух гамбургский.

Петр в ответ прокричал. А чего тогда мой камзол дерюгой дразнишь? Сий камзол лучшего голландского сукна , лично мной за гульдены куплен в Амстердаме.

Вахтер с издевкой – гооолландского! Новозеландского. Дай пощупать. Я их за свою жизнь столько повидал. Он пощупал край камзола Петра, и изумленно произнес – Поди ж ты , точно голландское сукно. Такое в 36-м годе на экспонате было, когда выставку к нам из Голландии привозили. Ты это! Парень! Не сердчай. Ошибка вышла. Как на Руси говорится – Гостей встречают по одежке , а провожают по морде.

Тут кого только не ходит. Один раз «Лицедеи» с Полуниным в таких нарядах приперлись... чуть весь музей не спалили. Ты , давай лучше говори, чего в Петровскую одежду вырядился? И поворачиваясь к Меньшикову – а ентот-то , ну ты погляди ! Чистый Меньшиков Алексахка. Меньшиков пробурчал в сторону – а я и есть Алексахка. Выручил всех Ванька Патрислумумбов. Он сунул вахтеру 100-рублевку, и сказал. Да ты не сердчай дедушка. Актеры это из театру. Им на «Благодати» на корпоративе играть нужно. Вот и стараются на царя походить. Сотенная с руки арапа испарилась мгновенно. Лицо вахтера размякло. Ааааа актеры. Ну , тогда ладно. Только руками ничего не трогайте. Иван продолжал. Дедушка ты покажи нам старые экспонаты. Те, которые еще при самом Петре тут были. И он многозначительно похрустел второй сотенной. Вахтер подобрел еще больше. Он было подбоченился, но , получилось больше, что раскорячился. Поправил завязки шали, затолкал кальсонные штрипки поглубже в валенки, и добавил. Дык, совсем то старых почти не осталось. Чего сгорело при пожаре, чего в 1917 разворовали. Вот разве что из куншуттов, струмент зубной Петровский показать. Пошли. Дед закрыл входную дверь на засов и повел экскурсантов в залы.

Вошли в зал , на двери которого красовались золоченые буквы – «Императорский зал». Петр сразу подошел к витрине, за стеклм которой лежали его любимые хирургические инструменты, и зубы, которые Петр , в свое время вырывал у кого ни попада. Смотри Алексахка – они! А рядом глаза и ухо , которые я из слонового бивня вырезал на Нартовском станке. Хранят. Эх, жаль утром струмента с собой не было, я бы тем лысым пряникам, которые арапа гоняли , быстро бы во ртах прорезивание устроил. А помнишь, как я у Яшки Штелина за цельный день кузнецом 18 алтын заработал ? Меньшиков расхохотался. Как же не помнить , Мин Херц? Ты же на них себе башмаки купил. Пол-базара потом обсуждало, что, мол, сам Царь башмаки у них купил. Петр добавил – "Та это ж не просто башмаки, а башмаки, которые выработал я себе тяжелою работою".

А вот гляди, Алексашка – это ж та сосна, которую срубили на месте закладки сего здания. Ну помнишь ? Две сосны, ветвь одной из них вросла в ствол другой так, что не понять, какой из двух сосен она принадлежит!?

Помню! Сохранилась голубушка. Не сгорела!

Петр, бегал из угла в угол, возбужденно размахивал руками.

А это что за шкелет росту неимоверного? Неушто великана Буржуа? Дык мы ж его вроде целиком в музееме выставили, а тут шкелет один!?

Вахтер почесал макушку и сказал. И откуда , артист ты все это знаешь? Действительно, сгорел Буржуа при пожаре, вот только скелет и удалось спасти.

Петр , не дослушав, дергал Меньшикова за рукав....ты гляди Алексашка ! А это ж Антошки Левенгука линза с отражательным зеркалом. Помнишь, как показывали своим сиволапым, размножение вшей, и туфлю-инфузорию!? То-то ахов было.

Меньшиков вновь залился смехом. Ужо помню, как фрейлины краснели, на сих вшей размножающихся глядячи!

Вахтер , видя , как они оба машут руками, набычился , и сказал. Ну, будет. Ишь развопились, как павьяны на току. Цыц говорю, а то голову Монсову с Гамильтоншей покажу, враз замолкнете.

Арап быстро всунул вахтеру очередную сторублевку и многозначительно поглядел на часы. Петр заинтересованно спросил его. А чего это за компас у тебя на руке Ванятка?

– Да никакой это не компас , а часы. Похоже, не успею уже на лекцию.

Петр изумленно спросил – Часы?! Да где это видано, чтобы простой арап часы носил, да еще на руке. Арап махнул рукой. Да чего там, часы сейчас у каждого есть. А эти так , одно-разовые китайские. Алексашка подошел к арапу , сунул ему четыре пятитысячных купюры и что-то зашептал на ухо. Арап , прикинув выгодность предложения Меньшикова кивнул. Мысленно посчитав прибыль – часам, купленным в киоске на Лиговке, красная цена была 250 рублей, Ситвияндыч подошел к Петру, и сказал. Прими в дар Ваше величество, и надел часы на руку Петру.

Царь , явно довольный за такой подарок проговорил – А чего? Мы люди не гордые: нету хлеба, подавай пироги. Обнял арапа и по-брежневски размашисто поцеловал.

Вахтер, увидев сумму , которая переключевала в карман Патрислумумбова, издал глотающий звук. Никак и впрямь царь? А чего он тут делает?

Пришлось объяснять ему, что произошло.

Дела!? Произнес вахтер. Тут без бутылки не разберешься.

И , обращаясь к арапу. Ты бы угостил за царскую деньгу нас Иван? Тут за углом в подвальчике продают. Иван Ситвияндыч богато отставил ногу и произнес – ладно, чего-там, али мы сами не понимаем? Послезавтра три дня будет, как капли во рту не было!

Как тебя величать то дедушка?

Гаврюшкой в детстве звали, а батя мой Афоня! А я , стало быть Гаврил Афанасьевич.

Иди, иди Ивашка, а мы тут пока помозгуем чего дальше делать....

Ванька проворно ушел. Вдруг из соседней комнаты затопали мелкими шагами башмачки ,и в комнату заглянула хорошенькая, конопатая девчушка лет пяти. Петр расплылся в улыбке – а это что за чудо-солнышко? Испуганная поначалу девчушка, тут же заулыбалась. Гаврила Афанасьевич ответственвал – то внучка моя Парасковья. Живет со мной. Дочке с мужем не просто . Оба учатся и работают. Вот почитай и растет со мной в кунст-камере. Ты извини, государь. Спать ей пора. Петр умиленно проговорил – ступай Парасковья , чай завтра свидимся. Гостинцу какого тебе принесу. Девчушка рассмеялась звонким, как колокольчики голоском, и погрозила Петру пальчиком. Смотри не обмани дяденька. Ждать буду. Гаврила Афанасьевич ушел за внучкой. Петр усталился в окно , разглядывая Неву, набережную, корабли.

- А здорово ты придумал - пиво с раками!

Гаврил Афанасьевич вернулся через некоторое время и сделал приглашающий жест следовать за собой. Петр и Меньшиков пошли за ним. По пути, взгляд Петра остановился на посмертной гипсовой маске его самого, работы Растрелли. Эта маска кого-то сильно напоминала Петру. Дед вначале хотел пояснить что это, потом замаялся, и произнес вполголоса – да, верно говорят «Одного рака смерть красит». И он за рукав потащил Петра к себе в каморку. В каморке достал кисет с табаком. Петр с готовностью вытащил из кармана трубку, мигом забыв о маске. Он весело проговорил. Ну, вот, наконец, настоящего табаку покурим. А то от этих бумажных трубок до сих пор в горле першит. Меньшиков, оставшийся в зале около маски, и, в отличие от Петра сразу узнавший, кому она принадлежит, многозначительно произнес – Кто везде – тот нигде. Чего же делать – то? И сам, с присущей ему жизнерадостностью, ответил – Бороться, искать – найти и перепрятать... Пришел арап с двумя литровыми бутылками «Флагмана», палкой колбасы, банкой маринованных огурцов и пластиковыми стаканчиками. Все повеселели, Алексашка разливая по первой пропел – Эх! Первая колом, вторая соколом, третья мелкими пташечками.

Петр крикнул, по обычаю похвалил ключницу, за хорошую водку. После третьей, закурили. Арап нарезал колбаски. Петр рассказал Ваньке про внучку Парасковьею и строго наказал ему напомнить про обещанный гостинец. Меньшиков сочно хрустел маринованным огурчиком. Слегка осоловевший дед спросил. Как же это милы человеки вас к нам занесло? Я ведь смекнул – настоящие вы. Стоило сукно пощупать. Такого теперь и не купишь, да в двух трех музеях под сигнализацией только и увидишь.

Петр сокрушенно махнул рукой, и... сразу разлил по четвертой. Выпили. Закусили....

Петр сказал. Да ты не поверишь деду. Просто мы с Алексашкой выпивали в трактире у Петьки Милле после трудов праведных. Выпили, конечно, изрядно. А утром проснулись уже тут у вас. Арап нас нашел на той стороне Невы. В деревьях около фрегата «Благодать». Как это получилось!? Хрен его знает.

Дааа, незадача произнес дед, снял с головы шаль, и откинул ее на манер башлыка назад.

Петр встал. И раскуривая трубку, зашагал туда и обратно по комнате. Как же это так!? Мы тут, а Рассея беспризорная тама осталась!? Только туркам под Азовом наваяли полную кружку. Швед зубы точит на Архангельск походом идет. Бояре толстопузые в бородах кукиши

прячут. Сомнут наших Алексашка!? Все начинания благие пропадут. Назад нам нужно скорее. Как прознают, что царь исчез, великая смута на Руси будет.

Арап в темном углу замолк. Только белки сверкали в темноте. Алексашка налил Петру. Ништо, Мин Херц, не впервой, придумаем чегонибудь. Утро вечера мудренее. Занесла же нас какая то нечистая сила сюда, значит есть и чистая, такая, которая обратно может отправить. Во что влюбился, то и целуй. Во что вляпался, тем и отбивайся.

Петр спросил, указывая на бутылку – этим штоли? И, размахисто выпил, пыхнул трубкой, захрустел огурцом. Проговорил обращаясь к дедку – хорошо, хоть Вы с Ситвияндычем подвернулись, истинно русские, хотя один на сморчок похож грибной, а второй ликом черен аки клобук бобровый в темном углу. Пропасть не даете, думы горькие зеленым вином отгоняете. Эхххх! На чужой стороншке рад родной воронушке.

Дедок пощипал жидкую бородку, пригубил тоже. Потом сказал. Верно баит Данилыч! Думать нужно. А еще, я так мыслю. К богу обратиться надоти. Давайте допьем ее родимую, а назавтра, ступайте-ка вы в Лавру. Глядишь, там отцы божьи и подскажут чего доброго. Сильна вера на Руси. Она и поможет. Петр опешил. А что жива Лавра? Только я ведь ее еще монастырем называл – "Живоначальные Троицы и Святого благоверного Великого князя Александра Невского"?! Алексашка, мы ж тогда только думали мощи святого Александра свят Невского из Владимира в Питербурх перенести. Неужто свершилось? Гаврил Афанасьевич молвил – свершилось батюшка. Еще почитай в году 1723 перенесли мощи Александра. По твоему же указу батюшка. С тех пор и стала она зваться Александро-Невской Лаврой. Петр прошептал. Вот оно как!? Почитай через 10 лет после первой литургии! Ох не зря мы с тобой брат Меньшиков на месте святом, где то ли сам пресвятой Александр Невский со товарищи Новгородские ярла Биргера побили, то ли отпрыск его пресветлый – князь Андрей шведов победил и крепостицу Ландскрону порушил. Место-то святое, как ни посмотри, что сбоку, что спереду. Глядишь, и поможет земляца Русская. Отблагодарит за заботу. Перенесет обратно. Алексашка хлопнул себя по колену, разлил по полной. Произнеся. Ну! За удачу!

Выпили, закусили. Меньшиков уже чуть осоловело сказал. А помнишь Мин Херц! Как хотели в сим монастыре печатное дело наладить? Эрудированный вахтер тут же похрумкивая

огурчиком сказал – дык, ее как раз в 1720 году и открыли, назвав Александровской типографией. Питерская то типография научные книги печатала и газету «Ведомости», а в монастырской – богоугодные книги. Твоим же указом величество, станок туда передали и 7 мастеровых. Бутылки практически опустели, количество выпитого и происшедшего за день начало сказываться. Глаза у всех осоловели.

Только как доберемся то туда? Мы-то на Васильевском острове, а Лавра эвона где – в устье Черной речки. Пару ден добираться будем, ежели повозку найдем, а пешком, почитай неделя уйдет. Арап очнулся, и поправил Петра – не Черной речки, а в устье Монастырки реки. Гаврила Афанасьевич цыкнул на арапа. Правильно Петр Алексеич молвит, она, Монастырка и была частью Черной речки, пока канал Обводной не построили, вот остаток по монастырю и назвали – Монастыркой. Да ты государь не серчай. Лет то немало прошло. Найдем повозку к завтраму, за час доберетесь.

Петр и Меньшиков вскричали разом – как за час!? Чудеса. Это что ж за повозка такая диковинная? Дедок отвечал. Дык, я и говорю лет то сколь прошло. Можем на транвае, можем на такси, а того быстрее под землей, на метро. Небось, не хуже заграницы, твоими начинаниями государь, все имеем. Вон Ванька завтра поутру и проводит. Подумаешь, повозка. Это ж, не самолет. Тут по Невскому проспекту, ежели в пробку не попадете, от силы 20 минут езды. Любопытный до всего нового Петр стал расспрашивать. Что за названия диковинные. Дед с арапом в два голоса ему объясняли. Что, мол, метро – это как минная галерея при взятии крепости, только глубже. В ней проложена дорога, по которой повозки бегают железные. Транвай – по железным полосам ходит. Ни тебе ям, ни тряски, кати да кати. А вот самолет, или ероплан! Тут батюшка птица стальная механическая, она по воздуху летает, быстрее всех.

Петр опешил. Едрит твою в кочерыжку, надо же додумались. Мы в минных галереях тачки по доскам катили, а тут повозки с людьми. Мы в распутье каждую неделю ямы на дорогах камнями заваливали, а тут полосы стальные, и катятся круглый год. Арап перебил Петра. Да

Алексашке снилась его пышная служанка Марта Скавронская в розовом чепце с кружевами и таких же панталончиках с рюшками. На полупрозрачном пеньюаре было вышито на манер баджика – «Марта». Марта наливала ему в резной кубок хмельного меда, низко наклоняясь, и обнажая такую грудь, что дух захватывало. Вдруг, из соседней залы появлялся сердитый Петр с огромной, насаженной на бильярдный кий мухобойкой и оптическим прицелом из линзы Ливенгука. Петр начинал лупить Меньшикова мухобойкой, периодически прицеливаясь в прицел. Изредка он отвлекался и смачно шлепал мухобойкой по заднице Марте, приговаривая –ужо будет вам. На чужой каравай! Не сильно рот разевай. С каждым ударом мухобойки по Мартовой заднице...вышитая надпись «Марта» на пеньюаре менялась на надпись

«Екатерина», ниже мелкой вязью проступала добавка -... «фаворитка самого Петра»...Отвесив еще пару ударов Алексашке, причем последние два, уже не прицеливаясь, комлем кия, Петр обиженно уселся за стол и велел Екатерине налить обоим со словами – я за дверь, а ты мне тут же дулю из под юбки !? Каждому овощу свой фрукт должен быть. Они с кряканьем выпивали и уже втроем в обнимку горланили песню :

....Славны были наши деды

помнят их и швед и лях

и парил орёл победы

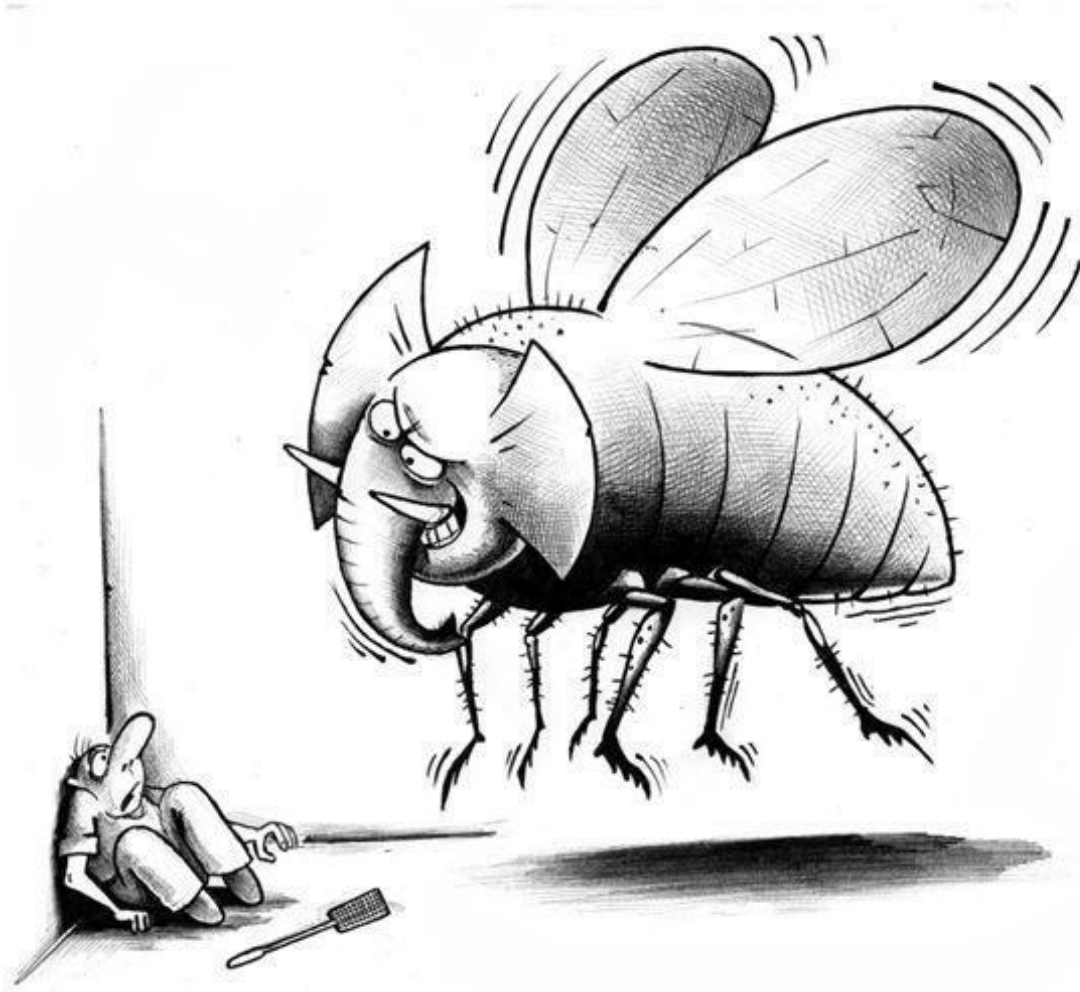
на полтавских на полях...

При этих словах Алексашка во сне улыбался и потирал давешнюю шишку на лбу...рука у Петра и впрямь была тяжелой....

Иван Ситвияндыч Патрислумумбов, и во сне сжимал в кармане нежданно не гаданно свалившееся на него богатство – две пятитысячные купюры, которые скроил от пива, четыре , вырученные за китайские часы, подаренные Петру и рассыпухой еще тыщи три...жизнь в общаге была тяжелой. Ладно, хоть не первокурсник. На первом было еще хуже. Чуть отойдешь по нужде от плиты, на кухне , кастрюльку с макаронами тут же умыкнут старшекурсники. Ивану снился его предок с кудрявыми волосами и бакенбардами. Предок нараспев читал –золотая цепь на дубе том....и словно в мультике, перед глазами возникал скиновский бык с толстой шеей , на которой красовалась толстенная золотая цепь. Скинхед хищно улыбался , поправляя на руке повязку со свастикой и, ухмыляясь тянул толстые пальцы к арапу. Вдруг из кустов хитро улыбаясь, выглянул царь Петр. Он достал телескопический бильярдный кий ,который начал раздвигаться и завис над макушкой бритоголового. На конце кия была прикреплена огромная резиновая мухобойка, расцвеченная андреевским флагом. Петр засунул глаз в микроскоп Ливенгука, умело насаженный на ручку кия. Покрутил барашки, наводя резкость, и с гиканьем махнул кием. Мухобойка смачно шлепнула по лысине быка. Тот взмыл в воздух, и махая толстенными подошвами и улетел в чем то , до боли знакомый куст. Подошел Меньшиков с бутылкой «Флагмана», и приобняв арапа, затянул песню студентов института «Дружбы Народов», которую в детстве часто Ивану пел батя :

Хорошо, что я попал в университет,
Так никто и не узнал, что я людоед,
Потому как в институт людоедов не берут,
Почему-то не берут и все тут.

Помню, раз попался мне абитуриент,
Помню, приготовил я из него обед,
Все равно не попал бы туда,
Это я вам точно говорю, да!

Есть у нас один доцент, толст как носорог,
В нем калориев процент ну очень прям высок.
Вот окончится учебный год, он поставит мне зачет,
Вот тогда его я съем, вот!

Да и вообще, друзья, что там говорить,
Лучше есть профессоров, чтобы сытым быть.
Ведь профессор – не пшено, витаминов в нем полно,
Это мне известно давно.

Людоедов много здесь, всех не перечтешь,
И мерещится в мечтах нам одно и то ж:
Вот получим мы диплом, хором ректора сожрем,

Вы придете на обед? Нет ?!

(Песенка студента Университета Дружбы Народов)

Арап, вспомнив доброе , родное губастое лицо папки, всхрипнул, пробормотав последнюю фразу песни во-сне -.....вы придете на обед? Нееет....?

Сон вахтера Гаврила Афанасьевича

Гаврилу Афанасьевичу снилась внучка Парасковья, которая практически выросла в кунст-камере, поскольку дочке с мужем надо было сначала на учебу, а потом на работу. Парасковью оставлять было не с кем, вот ее к деду и сплавляли на целый день. Внучка в дедовом сне ползала вокруг банок и экспонатов музея. Вдруг налетели противные зеленые мухи. Афанасьич неспеша собрал линзу Ливенгука, приладил ее к ручке огромной мухобойки . Сама мухобойка была в в виде петровского герба. Он покрутил барашки , прицелился и лупанул по

первой мухе. Муха тут же преобразилась в толстопузого помещика с бородой, в зипуне, подпоясанном алым кушаком. После удара помещик надулся как мыльный пузырь, а в радужной пленке пузыря отразился 5 летний босоногий пацан в портках и с мухобойкой в руке. В лице пацана угадывались черты самого Гаврилы Афанасьевича. Гааврююююшка ! Домой! Прокричал чей то сладко знакомый голос. Помещик с хлопаньем лопнул. На внучку налетала, увеличиваясь в размерах вторая муха. Привычно крутанув барашек прицела вахтер махнул мухобойкой. Вторая муха, гудя, преобразилась в толстого усатого жандарма с лампасами и шашкой на боку. Второй мыльный пузырь, набухая, отобразил юношу с мухобойкой в косоворотке и сапогах гармошкой. После того, как жандарм тоже лопнул, мухи понеслись целым роем. Дед уже без наводки лупил мухобойкой не переставая. Та-та-та-та-тата, пулеметным «максимовским» звуком распухали и лопались мыльные пузыри, в которых мелькали разные рожи. Вот уже капелевец в черной форме выбрасывал марширующие ноги. Хлоп! Теперь фашист в каске и со шмайсером на животе! Хлоп! Берия в пенсне! Хлоп! Хлоп! Хлоп! Стая депутатов первого созыва. Хлоп! Брежнев, вытягивающий губы для поцелуя! Хлоп! Главный перестройщик с родинкой на лысине.....Стая закончилась. Дед вытер пот со лба, дунул на дымящуюся мухобойку и поставил ее в угол. Внучка деловито пододвинула табурет на середину залы, залезла на нее сверкнув теплыми штанишками с начесом из под платяца и начала читать басовитым голосом :

Маленький кузнечик! Рано встал
Высоко на небе солнце увидал
Заиграл он песенку, прыгнув на сучок
Солнышку подставив зелененький бочок !

Но, на звук оркестра, с ближнего гумна
Налетели мухи черная волна
Стали музыканта бить и обижать
Солнышко веселое по кусочкам рвать

Но пришел на помощь дедушка вахтер
Вынул меч волшебный и разжег костер
В том костре сгорели стаи диких мух
Ох ! Неугасимый в том вахтере дух!
Парасковья чинно поклонилась, расправив руками с оттопыренными мизинчиками платье. И проговорила напоследок :

Так уж повелось со времен Петра!
Кто к нам, зачем и от чего!
Тот ! От таго и того.....

Она спрыгнула с табурета. Экспонаты кунст-камеры дружно захлопали кто чем. Особенно старался огромный скелет Кольки Буржуа, выстукивая костяшками то-ли Марсельезу, то-ли сольфеджио из самоучителя игре на бубне.

Гаврил Афанасьевич всхлипнул от умиления во сне....по щеке его текла слеза.....

Утром все проснулись под бой старинных часов. Часов было много, а соответственно и шума они наделали тоже изрядно. Первым поднялся Гаврил Афанасьевич. Он закутался в шаль, прошаркал в кухонный закуток шлепанцами и поставил чайник на плиту. Потихоньку к столу подтянулись все. Арап хлопнул себя по лбу и быстренько отлучился. Через несколько минут возвратился с 4-мя бутылками «Афанасия». Опохмелились. Попили чайку с бутербродами с колбасой. Петр чинно вытер губы, поправил усы, и произнес – Ну, не наше дело горшки лепить, наше дело горшки колотить! Пора в путь дорогу. Спасибо тебе свет Гаврил Афанасьевич за приют и совет. Одарить то тебя особенно нечем. Алексашка! Дай денег. Алексашка сунул старику пачку 5-ти тысячных. Уж, не обессудь. Чем богаты! Кафтан бы тебе с моего плеча подарить, да негоже по городу в одной рубахе царю ходить. После чего Петр троекратно облобызал вахтера. Потом оторвал от сюртука бронзовую пуговицу со своим вензелем и торжественно вручил ее. Афанасьевич лишился дара речи. Да тут, почитай пенсия пожизненная, да еще за эту пуговицу музей столько же выложит. Но ее я не продам батюшка. Внукам завещаю. И он смахнул слезу со щеки.....Ну! Будет, будет, произнес Петр, и не оборачиваясь пошел к двери. Меньшиков и Ситвиандыч поспешили за ним. Гаврила Афанасьевич стоял у двери кунст-камеры. Он размашисто перекрестил путников и махал рукой до тех пор, пока тройка путешественников не перешла по мосту Неву, и, пока близорукие глаза не перестали их различать. Петр размашистыми шагами, попыхивая трубкой, стучал сапогами по асфальту моста. В это время с Петропавловской крепости бабахнула полуденная пушка. Петр резко остановился, Меньшиков и арап по инерции врезались в него. Это чего? Салют? Спросил царь? В мою честь? Откель прознали? Арап, поглядев на крепость из под козырька руки, проговорил. Да нет, не салют. Полдень просигналили. Петр задумчиво вновь пыхнул трубкой и пошел дальше. Вышли на Невский. Машин и народу было целое столпотворенье. Изредка пробегали друг за другом поливальные машины. Петр даже на них не обращал внимания, озадаченно думая о чем-то о своем. Так потихоньку дошли до Гостиного двора. Арап потянул царя за

рукав к входу в метро. Ну что? Теперь под землю поедem. Меньшиков несколько раз перекрестился. Петр тоже. Потом произнес – Эх! Не виновен гвоздь, что лезет в стену, – обухом колют. Ништо Алексашка это как в минную галерею. Поехали. Народ прибывал. Была обычная дневная давка. Путешественников пихали со всех сторон. Петр развостисто отпуская оплеухи налево и направо. Меньшиков пихался локтями. Привычная питерская публика только посмеивалась, думая, что ряженые в Петра и Меньшикова разыгрывают какое-то шоу. А вот арапу пришлось туго. Толпа оттеснила его от царя и Алексашки, приподняла так, что ноги оторвались от земли, и....утащила в переход на другую линию, сколько он не сопротивлялся. Уже на эскалаторе, поудивлявшись на самостийно движущуюся лестницу, кинув по пятитысячной купюре матросу с крейсера «Аврора» на его восстановление и внуку Петра 1, на возрождение России, Меньшиков обеспокоенно стал искать взглядом Ваньку Патрислумумбова. Не найдя, он зашептал – Мин Херц! погоди! Петр, не слушая, выяснял у своего внука – по чьей ветке он приходится ему внуком. От Евдокии Лопухиной, али от Екатерины? Лжевнук, что то лепетал невпопад. Потом и вовсе перешел на всхлипывания, между которыми проскальзывало – ...сами мы не местные...Петр продолжал – как так не местные? Неужто Аннушкин с Карлом Фридрихом приплод? Меньшиков задергал Петра решительнее – Мин Херц! Арап пропал. Куда теперь по этому лабиринту идти? Петр опешил. Вокруг бежали туда и сюда толпы питерцев. День был в самом разгаре. Электрички прибывали и убывали, двери раздвигались и задвигались впуская и выпуская новые порции горожан. Путешественники простояли минут 20, пытаясь сообразить, что к чему. Но недаром говорят – царя за заслуги не присваивают и не выбирают. Петр заметил странную цветную картинку с надписями. На картинке переплетались разноцветные линии с надписями. Картинка живо напомнила Петру карту. Он хмыкнул и потянул Меньшикова поближе. Ты погляди Алексашка! Никак план подземелья. Вон и выходы обозначены. Не е е в с к и й Пр ооос пект ...прочитал он по складам. Ага, а это не та ли «перспективная дорога», которую к Невскому монастырю прокладывали? Гляди Алексашка – вот тут мы и спустились под землю. Вишь, птичка рядом на карте стоит. Стало быть, тут мы находимся сейчас. Так. Ежели в ту сторону – Василеостровская будет. Это в обрат к кунст-камере. Значит в другую. Во смотри – «Площадь восстания», а потом «площадь Александра Невского». Думаю туда нам. Меньшиков поймал какого-то пацана за рукав. Пацан был странновато одет. Глаза его как то непривычно выпучены. Меньшиков его спросил. Слышь! Отрок! До Александрo-Невской лавры туда? И указал рукой в сторону «Площади Восстания». Пацан прислонился к стене спиной, и, пуская слюни, забормотал –Мы из Питера! Слушаем: Раммштайн, Умф, Корн, Мадвэйн, Клафингер, Мэнсона, КиШа. Чуть-чуть слушаем Алису и Арию, так что арийцы и алисаманы – милости просим. Панк и готику не особо слушаем, но очень уважаем, так что панки и готы – также милости просим. Сопливых эмо просим не беспокоиться, нытики нам не нужны. Встретиться можно хоть в ближайшее воскресенье. Шляемся по заброшенным домам, кладбищам тому подобным местам (сами понимаете, это может быть опасно, так что решайте сами), а также просто чтобы общаться, вместе нам будет куда веселее убегать от ментов или сидеть в отделении...Петр в изумлении взирал на это чудо. Алексашка! Это он чего лопочет? На каком языке? По роже вроде русский, а говорит непонятно чего. Про арии какие-то говорит. Может тоже лицедей из театра? Эй!

- Кто по автомату колотил, уроды?!

Правоверный! Ты чего? Из театра? Али как? Пацан сполз по стене и ...сидя, отключился. Меньшиков расстроено махнул рукой, и, вдруг выглядев в толпе нужного человека, поймал за руку батюшку в потертой, но вполне опрятной черной рясе. Скажи отче. Проговорил он. В Александро-Невскую лавру сюда? Батюшка потербил редкую бородку и важно проговорил – Воистину. Сыне! Сей храм господень будет через одну остановку. Ежели Вам на Московский вокзал не нужно, то его пропускаете, а на следующей, под названием «площадь Александра свет Невского», выходите , поднимайтесь наверх. Тут Вам и будет счастье и благолепие. А одежды сии снимите. Негоже клоунствовать по отношению к Петру Великому, кой и основал Лавру. Меньшиков, было, решил прикрикнуть на попа, но вспомнил где находятся и махнув рукой, возвратился к Петру. Любопытный Петр в это время уже разговаривал с матросом в бескозырке, на ленточке которой красовалась надпись « Балтийский флот». Петр расспрашивал, сколько кораблей, какие, как назвали, почему . Матрос, в широченных клешах и отделанной разными ленточками и бахромой формой, с дембельским альбомом под мышкой радостно рассказывал, показывал фотографии. Клеша по нижней стороне были отделаны золоченым замком-молния, на грудях на обеих , куча значков-"Воин-спортсмен", "Отличник ВМФ", "1 класс", и – "За дальний поход"!!! К этому всему – гвардейская ленточка на бескозырке. От него изрядно пахло спиртным. Петр продолжал расспрашивать. Хмельной матрос сыпал названиями соединений, частей, вооружений. В общем, если бы царь с Алексашкой были агентами западных разведок , то они выполнили бы 10-летний план по агентурным данным , и спокойно могли бы ехать до конца жизни на Багамы. Матрос хлопал Петра по плечу ладонью с якорями. Он кричал на весь перрон – а ты земля чего тоже по морю ходил?

**Ешь ананасы, рябчиков жуй,
Пей и гуляй ненаглядный буржуй.
Сытно жирей во буржуйстве своем,
Мы тя зарежем и все заберем!**

В каком звании. Петр чинно отвечал капитан-бомбардир. Матрос наморщил лоб махнул рукой ...ааа капитан- лейтенант стало быть. Ну, это круто. А флот какой ? Балтика? Петр кивнул. Азм-есмь – Балтика. Матрос расцвел. Свои!! А чего вырядились так? Али праздник какой петровский? Вроде зима на носу – победу над Шведом под Полтавой вроде в июле празднуют, а Гангут в августе. Тогда понятно, чего Петры с Алексашками по Питеру толпами бегают. А вы чего зимой? Перепили? Петр окаменел. А скажи друже . С Полтавой все понятно. А Гангут чего? Чего-чего. Да в Питере каждый пацан знает, как впервые в истории морских сражений русский флот у мыса Гангут накостылял лучшему тогда шведскому флоту, и прорубил окно в Европу. Петр хлюпнул носом, по щеке его потекла слеза. Матрос продолжал – сам Петр на

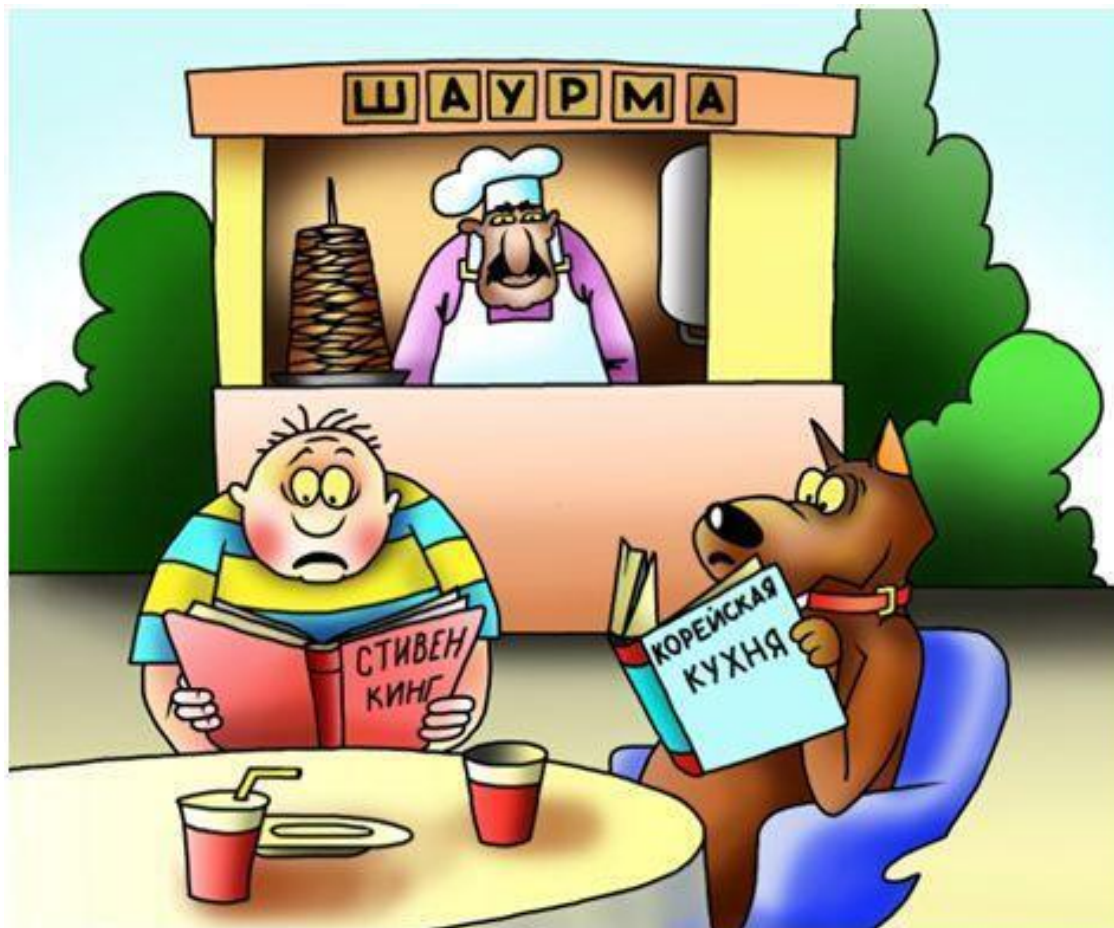
абордаж ходил. Его за это из капитан-бомбардиров в вице-адмиралы произвели. А вон чего, а я думаю, чего-ты капитан-бомбардиром назвался. В роль вошел? А сам, небось, как я старшина запаса? Ну, ты молоток, крендель клешастый. Иль все-таки из мичманов? Когда коню у «Медного Всадника» оное место начищал в честь выпуска? Десятка два лет назад? Петр шмыгнул носом и уставился на матроса. Чего? Какому всаднику? Какое место начищал? Матрос хохотнул – ну, ты даешь, вехотка махровая. А то не знаешь, что в каждом училище существуют свои незыблемые традиции. Вона, курсанты инженерно-строительного училища имени генерала армии Комаровского каждый год в день выпуска, усыпив внимание бдительных часовых, снимают с петель ворота училища! Выпускники училища Фрунзе надевают тельняшку на памятник Крузенштерну, а их коллеги из училища имени Ленинского Комсомола то же самое проделывают с памятником Лермонтову, правда, Лермонтову повезло больше, ему надевают еще и бескозырку! Прикинь! Лермонтов в тельнике и бескозырке!? Нахимовцы начищают нос Петру I на барельефе, а выпускники Военно-медицинской академии – до блеска натирают бюст Минерве – по совместительству богине медицины. Дык, куда ж медикам без женского бюсту? Ну, а ваши, военно-морские, добрались аж до самого Медного всадника. Они начищают яйца коню Петра I – пусть знают все – в рядах защитников Отечества – пополнение! Петр расхохотался, хлопнул матроса по плечу, и обращаясь уже к Меньшикову произнес – Ну, ты погляди Алексашка! А гардемарины-то чудят и по сей день. Ничего им не делается, никакие наказания не помогают. Нос мне начищают. Вот уморили безобразники. Ну, спасибо тебе служивый! Порадовал. Матрос ковырнул в носу и ответил – Из "спасибо" шапки не сошьешь. Спасибо – оно, не булькает. Эх, жаль, отходные деньги закончились. Щас хряпнуть бы по маленькой, и запить это все большой. За знакомство. Петр расхохотался – веди служивый. Деньга есть маленько. Как? Алексашка. А то и у меня в горле пересохло. Эх! Табачку бы еще. Матрос полез в карман. Ну, за табачком дело не станет. Живи не скупися, с друзьями поделися. Он достал пачку «Петра-1» и протянул царю. Петр, увидев привычную этикетку, сразу разломил пару сигарет и начал набивать трубку, пока поднимались вверх, по эскалатору. Матрос хохотнул. Ну, ты даешь! И трубка у него как у морского волка. Респект и уважуха! Выбрались наверх. Петр спросил – а как величать то тебя, служивый? Матрос смачно затаившись, ответил. Так Гришка Железняк я, в честь прадеда назвали. В честь деда побоялись. Небось слышали – матрос Железняк. Тоже с Балтфлота. Ну, который в 18-м начальником караула в Таврическом был. Он ведь Учредительное собрание разогнал. А времена были мутные. Как в фильме «Чапаев». Белые придут – Уряя! Уряя!! И грабят. Красные придут – Уряя! Уряя!! И грабят... Вот и побоялись его именем назвать, а то бы я тоже Алешкой Железняком величался...эх...воистину как в песне. И Григорий пропел:

В степи под Херсоном
Высокие травы,
В степи под Херсоном курган.
Лежит под курганом,
Заросшим бурьяном,
Матрос Железняк – партизан.

Любопытный Петр тут же спросил – а кто такой партизан? Слово вроде италийское? Да ты чего? Опешил Железняк. Да партизаны еще почитай в 812-м француза лупили под Москвой. Спрячутся в лесу, а как супостат мимо идет, так дорогу завалят и айда молотить. Французы думают русское войско, пока в свои каре построятся, партизанов в лесу уже и след простыл. Так и измотали войско Наполеоново. Бежал, горемычный так, што барабаны подрастерял. Да! ...были люди в наше время...Поднялись наверх, опять у Гостиного двора. Железняк потянул Петра за рукав. Пошли. Знаю тут неподалеку рюмочную знатную. Алексашка усмехнулся – ты гляди Мин Херц! Как метко на Руси кабаки называют?

Рюююмочная.....эххх е мое, аж перед глазами замаячила вспотевшая. Веди ужо, не томи служивый.

.....Железняк произнес свое знаменитое – Дык! Слово, которое могло означать что угодно. «Дык» для Железняка было все равно , что «парниша» для Элочки – Людоедочки. В этот раз, «Дык» означало – согласен, алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве. (Михаил Жванецкий).....

Друзи быстро завернули за угол Гостиного Двора и засемили мимо Перинных рядов в сторону улицы Ломоносова. Пыль, клубами поднималась из под метровых клешей матроса. Петр шел своим обычным широким шагом. На его лице тоже появилось нетерпеливое выражение. Правда, идти пришлось недолго. На вывеске было намалевано толи «Третий Рим», толи «Тройной ром». Зашли внутрь. Крашенные стены, крепкие деревянные столы и стулья. Табачный дым можно резать ножом и двуручной пилой. Пахло дешевым пивом. Из соседней подворотни крепко тянуло мочой. Впрочем, ни Петра, ни Меньшикова это не удивило, не говоря уж о Железняке. Уселись за стол, закурили. Петр трубку , остальные сигареты. Алексашка в этот раз прикурил с правильной стороны. Матрос шлепнул своей широкой ладонью по пышному заду дородную официантку и произнес -...а принеси-ка нам мать пару графинчиков холодной водочки. Селедочки там, капустки квашеной.....и побыстрее. Не видишь , у государя шланги горят.

Официантка прыснула – таких государей тут по четыре в час бывает , вон театров сколько вокруг. Иные в каждом антракте успевают отметиться. А вы не рано начинаете? четырех часов еще нет. Матрос, вальяжно закинув ногу на ногу, ответил-

Да ты чего мать? Гордона то смотришь по телику? Он уже ответил на твой вопрос- «Что значит рано? В Европе уже завтра, а в Китае еще вчера». Неси скорее, мочи нету.

Официантка неуверенно мялась. А деньги, то есть у вас? Знаю я, как вам в театрах платят. Раз в полгода. Меньшиков кинул на стол пятитысячную купюру. Неси мать. Деньги есть. И мальвазии пару бутылок прихвати. Официантка заворожено уставилась на купюру. Какой такой мальвазии. Портвейн три семерки будете? Ответил за всех Железняк. Неси пару бутылок. Заполируем на старые дрожжи после водочки. Давай, давай мать! Шурши колготками. Официантка быстро принесла заказанное и попросила деньги, мол, сдачу принесу. Разлили по первой. Матрос предложил Петру сказать тост, как старшему по званию. Петр встал, пригладил усы, Ну! Как говаривал Аристотель – *In vino veritas. Ebrietas est voluntaria insania* – Истина в вине. Опьянение есть добровольное безумие. Сие означает – поехали по первой, за знакомство. Под холодное.

Выпили, похрустели капусткой. Эх! Хороша закуска, капуста. И на стол поставить – красиво. И, если гости сожрут. Не жалко! Сразу, под селедочку по второй и третьей. Пыхнули табаком. Хорошооооо. За соседний стол уселись еще один Петр и Меньшиков. Настоящий Меньшиков удивленно вглядывался в них. Ему они показались смутно знакомыми. И говор их тоже кого-то напоминал.

Я вас умоляю. Когда это было, чтобы Худодота Цынмана так невежливо обошли? Бухтел один из них. Ися, это похоже на то, шо ты бандитам отдал все деньги и сотовый телефон?

Таки да Худик... Они ж вломились в квартиру и вставили в зад паяльник, а на пузо уют, и подключили к току!

Так и што Ися! И ты сразу отдал?

– А шо, ждате пока за свет накрутит? Этот жест вновь что-то напомнил настоящему Меньшикову.

Длинный мужик в треуголке продолжал. И это именно в такой день, когда именно закончились все деньги!? Чудовищная несправедливость. Я вас умоляю.

Меньшиков наморщил лоб и вспомнил, что видел этих двух ряженых около трапа «Благодати». Он наклонился к Петру и на ухо объяснил ему ситуацию. Изрядно захмелевший царь крикнул.

Не по-христиански будет не угостить того, у кого корку хлеба отняли. Он полуобернулся к соседнему столу и сказал – Любезные лицедеи! А не угодно ли будет с нами водки откусать? Угощаем. Худодот и Исул уставились на Петра. Потом длинный произнес –

Да почему нет? Я Вас умоляю. Еще в «бриллиантовой руке» сам лейтенант старшой объяснил что – «За чужой счет пьют и трезвенники, и язвенники», штоб я так жил.

Они пересели за стол к Петру и Меньшикову. Алексашка разлил остатки первого графинчика. Тут возвратился Железняк, которому некоторое время назад приспичило отлучиться, как сказал бы Жванецкий на эту тему – организм работает как часы – принял два стакана, через час на минутку уединился.Матрос изумленно уставился на двух Петров и двух Меньшиковых. Протер глаза, потом перевел глаза на пустой графин из-под водки. Во забрало. И впрямь говорят – На дне графина водка крепче. Уже двоится.

Настоящий Петр протянул ему полную рюмку. Да успокойся, матрос, это лицедеи, из театру. Мы им задолжали чуток, вот угостить позвали.

Выпили хором, крикнули. Исрул занюхал пейсом. Худодот чинно пожевал капусты, про-
бормотал , что это таки совсем не хумус, и многозначительно посмотрел на второй графин.
Разлили. Исрул и Худодот сразу повеселели. Худодот проговорил. Эх ! Правду говорил Буба
Касторский – Буйнос Айрес шлимазл бесамэ мучо! И шлимазл таки бывает мазл. Исрул ! Ну,
что вы окаменели как поц, смущаете девушек, идемте выпьем водки.

На что Исрул отвечал –«Это водка?» – Помилуйте, королева, разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!" сказал Воланд Маргарите. А если шлимазл начнет делать гробы, то люди таки перестанут умирать. И что сделает шлимазл, если выиграет миллион в лотерею? Я вам умоляю он таки потеряет лотерейный билет. Друзья! Тост ! Удачи, и не будьте шлимазлами! (*Шлимазл – неудачник евр.*)

Все выпили.

Петр спросил. Иудеи что-ли?

На что получил чинный ответ – Дети израилевы! Хороший тухес тоже нахес. (*Хорошая задница – тоже счастье. Евр.поговорка*)

Захмелевший Петр встал со стаканом уже портвейна в руке и прочитал оду Бахусу, уже из великого Омара Хаяма :

– Вино запрещено, но есть четыре "но":

Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.

При соблюдении сих четырех условий

Всем здравомыслящим вино разрешено.

Все захлопали и начали по очереди сыпать бахусовыми афоризмами –

Матрос – Водку следует пить только в двух случаях: когда есть закуска и, когда ее нет.

Алексашка – Нельзя сказать, что я здорово пью. Я могу часами обходиться без спиритуса.

Худодот вдруг не к месту процитировал бывшего президента Ельцина – «Разве российский шоколад хуже импортного? А пиво? О водке я и не говорю».

Все присутствующие в трактире кроме Петра и Меньшикова дружно захохотали.

Отхохотавшись, не сдержался и Исрул – Я таки пью не больше ста граммов, но, выпив сто граммов , я становлюсь другим человеком, а этот именно другой пьет очень много.

Петр вновь закончил обсуждения Бахуса латынью –

Nomines soli animantium non sitientes bibimus – Из животных только люди пьют, не испытывая жажды.

Веселуха продолжалась до позднего вечера.....

.....

Утро пробудило Меньшикова в привычном месте. В том же сквере. Под тем же кустом. Отличие состояло от предыдущего утра только в том, что в карманах не было вчерашней пачки денег и на руке Петра отсутствовали часы подаренные арапом. Петр разбросав длинные руки и ноги, на манер морской звезды, продолжал посапывать под кустом. В одной его руке был зажат остаток пейса, в другой – огрызок соленого огурца. Голова Алексашки раскалывалась с похмелья. Он поискал глазами вокруг, и, вдруг обнаружил торчащее из кустов стеклянное горлышко бутылки. Бутылка оказалась непочатая. «Портвейн 777» прочитал Меньшиков. Откупорил и сделал длинный глоток. На «вкусное» бульканье мгновенно среагировал Петр. Он открыл глаза, поискал источник, мгновенно выхватил бутылку у Алексашки и одним глотком допил содержимое. Уххххх!! Выдохнули они одновременно. Кто-то за оградой проходя мимо. Как бы издевательски пропел строчки:

Один глоток, и наведенные на резкость
Глаза и мысли возвращаются назад.
И унавожено-захарканная внешность
Вдруг превращается в цветущий нежный сад!
(Л.Сергеев).

Меньшиков выглянул между прутьев, увидел, как удаляется стайка подвыпивших студентов с гитарой.

Юнцы! Мин Херц! Развлекаются. Петр ответил –

Слава тебе господи, а я уж подумал голоса потусторонние корят за вчерашнее. Ан нет, юнцы. Ты , Алексашка помнишь чего, спросил Петр , разглядывая огурец в одной руке , и брезгливо отбрасывая пейсовые волосы из другой в сторону.

Да последнее, что помню, Мин Херц, это как мы обнимались с иудеями, а когда они узнали , что мы вместо них вчера на «Благодати» выступили, в драку полезли. Ну , ты , величество с еврейским Петром схлестнулся. А мне , я сам , обрезанный Меньшиков достался. Как начал ты его пейсами об трапецию возить. Гляделки его в холодец на столе с горчицей натыкал. Он и начал орать почище протодиакона. Я своему оппоненту поначалу стулом из тыквы полутыкву сделал, а уж потом , пинком его на улицу катапультировал. Все бы ничего, да в зале музыканты из их театра сидели. Они на клич твоего игуди прибежали. Человек восемь. Барабанщик тебя начал колотушками барабанными обхаживать по бокам. Тут, видимо не стерпев, ты эту пейсу и оторвал у Исрула. Мне некогда было, на меня сразу трое надели. Один пытался какими-то тарелками медными мне по кумполу треснуть. Второй смычком от скрипки все по ногам колотил, а вот третий , зараза сзади подобрался и тыкать меня какой то деревянной палочкой в задницу. Дирижер мать его-итить . В общем туго бы нам пришлось, но тут какие-то люди, похожие на матроса прибежали, и давай музыкантов метелить. Он им кричит – давай кореша! Не позорь Балтику. Бей жидов, спасай Россию.....

Тебе-то , Мин Херц, этот с колотушками , успел все таки по кумполу сигнал «общий сбор» отыграть. Ты и выключился. Ну, я тебя на воздух вытащил, в арку дворовую, дабы не загоптали ненароком. А тут повозка хитрая с синим фонарем, мерцающим на крыше , подъехала. Оттуда солдатики повыпрыгивали , и давай всех подряд в повозку кидать. Кто сопротивляется , того дубиной. Рынды , не иначе. Матросики , те проворные, быстро кто в окно, кто через чердак смылись. А музыкантов , почитай всех повязали и увезли куда-то. Исрула с Худодотом последними кинули.

Петр задумчиво пощупал группу шишек на голове, которые очевидно появились от барабанных колотушек. Погуляли. Произнес он. Огляделся вокруг. С сожалением, и надеждой посмотрел на пустую бутылку из под портвейна. Затем узнал место и проговорил – День сурка какой-то. Откуда-то в его голове нарисовалась эта фраза самопроизвольно. Опять в этой клумбе ночевали. Того и гляди опять шас арапа к нам погонят. Ты Алексашка орясину, какую ни будь, поищи, а то боюсь эти гунявые в очередной раз могут и колами попотчевать. В дальних кустах действительно послышался топот и команды скинхедов. Однако в этот раз они ушли в другую сторону. А вот арап через пару минут появился. Он принес пива. Все повеселели. Обнялись. Арап захлеб рассказывал – дай думаю, проведу место.

Вдруг, вы тут появитесь. Так оно и вышло. Попив пива, повспоминав вчерашние подвиги, все расслабились. Однако Петр все же предложил закончить начатое, и добраться до Лавры. Арап покрутил головой и сказал. Ну, нет, хватит, опять в метро потеряемся. Как у вас с деньгами? Алексашка пошарив по карманам вытащил несколько 5-ти тысячных. Патрислумумбов весело щелкнув жемчужными зубами, сказал – этого хватит. На такси поедем. Он достал сотовый телефон, набрал номер и заказал такси. Любознательный Петр тут же начал расспрашивать, что за диковинный предмет, в который Ванька просил прислать повозку. На что, тот отвечал, что это телефон по которому можно говорить с человеком. Который находится далеко. Петр оцепенел. Ты смотри Алексашка! Какая вещь полезная! А на войне и подавно. Вон что удумали потомки. И, уже обращаясь к арапу – а ну, дай попробовать. Арап дал Петру телефон в руки и показал, как набирать номер. Петр нечаянно нажал кнопку быстрого набора. Телефон набрал номер и оттуда донесся приятный девичий голос. – Здравствуйте. Вас приветствует служба "Секс по телефону". Любые фантазии за ваши деньги. Кого предпочитаете – брюнетку, блондинку? Еще какие-нибудь предпочтения?

Арап настолько густо покраснел, что его природный загар стал напоминать вареную свеклу. Петр слушал. Арап краснел, не решаясь отобрать телефон. Петр спросил, передавая трубку Алексашке – это чего? Что значит блондинку, или брюнетку? Важно послушав, умудренный в амурных делах Меньшиков расхохотался и пояснил. Мин Херц! Да это ж мамзельки легкого поведения свои услуги предлагают. Ай да арап, ай да сукин сын. Вот значит, для чего сие великое изобретение используешь!?

Патрислумумбов что-то невнятно бормотал... Потом отобрал телефон и, надувшись, показал на приехавшее такси. Карета подана, поехали...

За рулем изрядно потрепанных жигулей шестой модели сидело лицо кавказской национальности. Иван подошел к нему и спросил – почему будет до Лавры доехать? Кацо?

Кацо чинно ответило – савсэм дешево доведу дарагой! А где это? Какой , такой лавра? Арап усмехнулся – ну ты даешь витязь блинокепкий. На такси работаешь, а города не знаешь. На что , действительно, блинокепкий , усач протяжно ответил. Ээээ, дарагой! Зачем абижаишь? Как это я город не занаишь? Шашлычный на Лиговка знаишь.

Чебуречный на масковский вокзал знаишь , мы ж не какойнибудь Джумшут с Равшаном. Ладно, сказал арап. Поехали , покажу, только не гони сильно. Знаю я вас горячих грузинских парней. Купите машину за тысячу рублей, а сами кроме педали газа ничего не знаете. Петр нетерпеливо сказал – ну чего там ? Ванька? Договорился? Арап открыл задние двери и сказал, залезайте . Я впереди сяду, джипиэрэсом работать, дорогу показывать , а то этот Сусанин грузинский увезет к чухонцам в гости. Грузин поднял палец и сказал . Эээ дарагой, зачѐм обижаишь. Какой такой жопырэс!? Ты вон на сэбе в зэркало посмотри....Чорный! Чорный! Да я посравнѐнию с тобой – бѐлый птиц – аист. Тут уже завелся Патрислумумбов. Нифига себе – птиц выискался , ты титька тараканья хоть раз видел птицу , у которой на тебя кроме носа еще что-то похоже было?! Кавказец открыл рот для ответной тирады, но тут вмешался Петр. Он от души шлепнул арапа по плечу так, что у того кучерявая голова вначале подскочила на вытянувшейся шее, а потом вдавилась в плечи. Хватит Ванька! Прокричал Петр. Поехали уже! Кавказец не дожидаясь затрецины, вдавил педаль газа и машина с визгом, чуть не сбив чугунную урну, вылетела на дорогу. Вяло переругиваясь и косясь на Петра, арап и кавказец катили по Невскому. Петр с Меньшиковым крутили головами как два флюгера, то одновременно поворачивая в сторону Спаса на крови, то в сторону Мариинки. Мимо бежал густой поток автомобилей, автобусов. Мелькали каналы с всевозможными прогулочными катерами, теплоходиками, набитыми туристами. По тротуарам в обоих направлениях тянулись потоки одетых по-летнему людей. Мелькнул Московский вокзал. Поток людей и машин резко ослабел. Так добрались до Лавры.Пока Петр с Алексашкой тарацились на памятник Александру Невскому, арап рассчитывался с кавказцем. Тот мудро посчитав, что негру можно попробовать любую цену впасть, объявил за проезд пять тысяч рублей. Арап вначале опешил, а потом , постепенно распаяясь начал его отчитывать. Ах ты , дятел кривоносый. Мало вас скины лупят ? Тут ехать 10 минут , а ты пять штук насчитал?! Ах ты! «Лучше гор могут быть только горы»!! Клизма, знай свое место ! Тебя так и не научили , что лучше колымить в Гондурасе, чем гондурасить на Колыме. Сразу видно птицу по помету. Ты чего меня за чернозема глухого держишь? Мой батя уже на Лиговке по подъездам портвейн три семерки с девками хлестал, когда твой еще хвосты овцам крутил. Держи 500 «рѐ», и то от щедрот царских. Таксист было хотел что-то вякнуть, но покосился на широкие плечи Петра , взял купюру и укатил обратно. Троица пошла внутрь Лавры. Многочисленные туристы оглядывались на живописную компанию. То и дело щелкали фотоаппараты. Из группы японских туристов выкатился давешний японец и , радостно крича « Цаль! Цаль!! Лусский Цаль!» вновь попытался схватить Петра за пуговицу. Петр изумленно уставился на него. Опят ты !? Золотушник? Не тронь пуговицу, говорю, а то по гляделкам схлопочешь! Японец радостно лопоча , знаками показывал то на свой фотоаппарат , то на Петра, теми же знаками, давая понять, что хочет сфотографироваться с Петром. Петр отмахивался от него, как от назойливой мухи. Наконец, устав, он спросил арапа – Чего надо этому нехристю!? Арап объяснил – сфотографироваться он с тобой хочет Минхерц! Это чего такое он со мной хочет? Выпить что ли? Арап объяснил, да нет , видишь государь штука у него на шее висит, Он с тобой рядом встанет, а штука запомнит вас. Потом он напечатает на бумагу, ну на манер картины, и показывать всем будет. Да ты что!? Удивился царь! Давай, пусть запоминает. Арап обернулся к японцу и тоже знаками дал понять – давай, мол, царь добро дал. А заодно ему показал, что неплохо бы за это заплатить. Японец быстро закивал, сунул Патрислумумбову в руку 100 долларовую купюру. Японец встал между Петром и Меньшиковым. Ванька навел резкость, покатываясь со смеху.

Японец был ростом чуть выше пояса обоим, а желтое лицо на фоне темных кафтанов, напоминало сморщенную репу. К тому же японец ухитрился перед снимком ухватить царя и Алексашку за пуговицы. Видимо традиция такая у них в Японии за пуговицы хватать. Кадр явно удался. Этакая – «вот мчится тройка удалая», или – змей Горыныч с одной сушеной головой. Вдруг, японец подпрыгнул, увидев взметнувшийся зонтик экскурсовода, прокричал – До мо аригато: годзаимас (*огромное спасибо яп.*). он подобрал полы непонятной одежды, напоминающей кимоно, и часто подпрыгивая побежал в сторону своей группы. При этом он успевал пыхать фотоаппаратом во все стороны, и даже назад, продолжая бежать вперед, а его голова поворачивалась почти на 180 градусов назад. Петр расхохотался – вот хороняка, бесово племя! Чуть пуговицу не оторвал. Наконец они прошли в Лавру. В церковном дворике спросили у чинного схимника как пройти к настоятелю. Тот указал направление. Архимандрит непонятно по какой причине, что-то почувствовав, вышел им навстречу. Он взглянул на троицу и изумленно проговорил – Ну! Арап тутошний, а Вы то!? Как Вас сюда занесло? Петр и Меньшиков НАСТОЯЩИЕ !! Государь? Петр Великий! Никак воскрес? На что Петр, безнадежно махнув рукой произнес – откууда! Как то переместились мы с Алексашкой. Эхххх! Отче! Там Рассея беспризорная осталась, а мы тут прохлаждаемся. Как быть? Вот и приехали к тебе. Не очень жаловал раньше я попов, да видно бог наказал. Помогите отче! Богом прошу! Недаром ведь в народе говорят – Бог не захочет, и пузырь не вскочит. Может мощам каким помолимся? Мощам Александра Невского? Авось не бросит? Сам он за Русь как бился? А отче? Архимандрит степенно отвечивал. Помолиться можно и нужно. Много Святых мощей, почивающих ковчеге Троицкого собора Александро-Невской Лавры. Да и Иконе Святителя Николая Чудотворца Архиепископа Мирликийского поклониться нужно. Недаром ведь Святителя Николая

«Русским богом» называли. Но что-то мне подсказывает, что придется тебе государь в святыню святынь русских – Сергиев Посад, в Троице Сергиеву Лавру пробираться. ТАМ вся силушка русская, ТАМ дух Преподобного Сергия Радонежского обитает. Там чаю, и найдешь способ, как назад возвратиться. Вот что Петр Алексеевич! Вы куда вокруг походите, ремесла возрожденные посмотрите, а я позвоню Патриарху Московскому и всея Руси, объясню ситуацию. Пока вы добираетесь, авось он придумает что. При слове ремесла, Петр встрепенулся, засверкал глазом. Назарий пригласил молодого послушника провожатым, а сам удалился для звонка. Ну, веди, показывай отрок, молвил Петр послушнику. Как величать то тебя? Дык Евфимием нарекли государь. Ну, веди Фимка, веди.

Первой по дороге попала знаменитая художественная ювелирная мастерская. Фимка щебетал как растрепанный воробей, рассказывал о литье и штампе церковных изделий, о том, что разработка и изготовление моделей осуществляется только с благословения Наместника Александро-Невской Лавры. Петр жадно слушал, перебирал отливки крестов, образков и икон. Готовые иконы и кресты ласкали глаз благочестивостью ликов, строгостью линий. Цепочки сияли золотом и серебром. Несмотря на увлеченность, Петр все-же успел отпустить арапу затрещину, когда тот попытался прикарманить нательный крестик. На чужую кучу нечего глаза пучить. Проговорил он. Затем была иконописно-реставрационная мастерская имени св. Иоанна Дамаскина. Сосредоточенные монахи выписывали лики святых. На полках сияли лаком готовые иконы. За иконописной мастерской – керамическая мастерская Сергея Мельникова. Сам мастер отсутствовал. Петр и Меньшиков с удовольствием оглядели предметы домашней утвари, горшки, вазы. Арап не удержался и посвистел в глиняные свистульки, целая

корзина коих стояла в углу. Алексашка опять отвесил ему затрецину, со словами – не сви-сти, денег не будет. На что арап, пощупав в кармане стодолларовую бумажку выданную япон-цем, в ответ пробубнил – а их и так нету. Последней была мастерская христиагской оловянной миниатюры. Тут уж Петра было не оторвать. Он прошел всю процедуру изготовления, бегая от одного мастера к другому. Один делал скульптуру, другой делал форму для отливки, тре-тий отливал миниатюры, четвертый раскрашивал и покрывал их лаком. Все было Петру инте-ресно, он щупал скульптурный пластик, пластилин, герметик. Интересовался сколько синца добавлять в олово. Алексашка с задумчивым видом тоже щупал изделия, что-то просчитывал в голове – мотал на ус. Так бы продолжалось до вечера, но тут появился озадаченный архи-мандрит, и вывел их в монастырский дворик для разговора. Переговорил я с Патриархом. Он сначала не поверил, а потом когда я его убедил, разволновался, поскольку вся история России наперекосьяк пойти может. Велел вам срочно в Сергиев Посад добираться, а он куда думать будет. Деньги-то у вас имеются на дорогу? Провожатый есть? Петр, подумав, спросил Мень-шикова. Алексашка ! Помнишь, кубышку с двойными червонцами с тобой на черный день во дворе кунсткамеры закапывали? Почитай, штук 50 ? Это по-нынешнему сколько будет?

Патриарх проговорил изумленно. Ну, точную стоимость тебе государь не назову, поскольку твои червонцы, да еще двойные, они не по весу золота ценятся, а как музейная ред-кость. Продавали как-то на нашем аукционе такой червонец. Ну, думаю, тысяч восемьсот, а то и миллион рублей стоит. При словах «миллион рублей», подпрыгнул арап. Это что-ж 50 мил-лионов закопано у кунсткамеры. Ой ! А я для Вас провожатого нашел. Все устались на него изумленно. Кто!? Васька произнес – да я и повезу. Я Москву как свои пять пальцев знаю. Да и переночевать там есть где. В общаге Лумумбовки. Какой такой лумумбовки грозно спросил архимандрит. Арап радостно – ну, в общаге РУДНа, ну университета Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Я ж говорил, батя у меня там учился. Друзей полно осталось, не откажут.

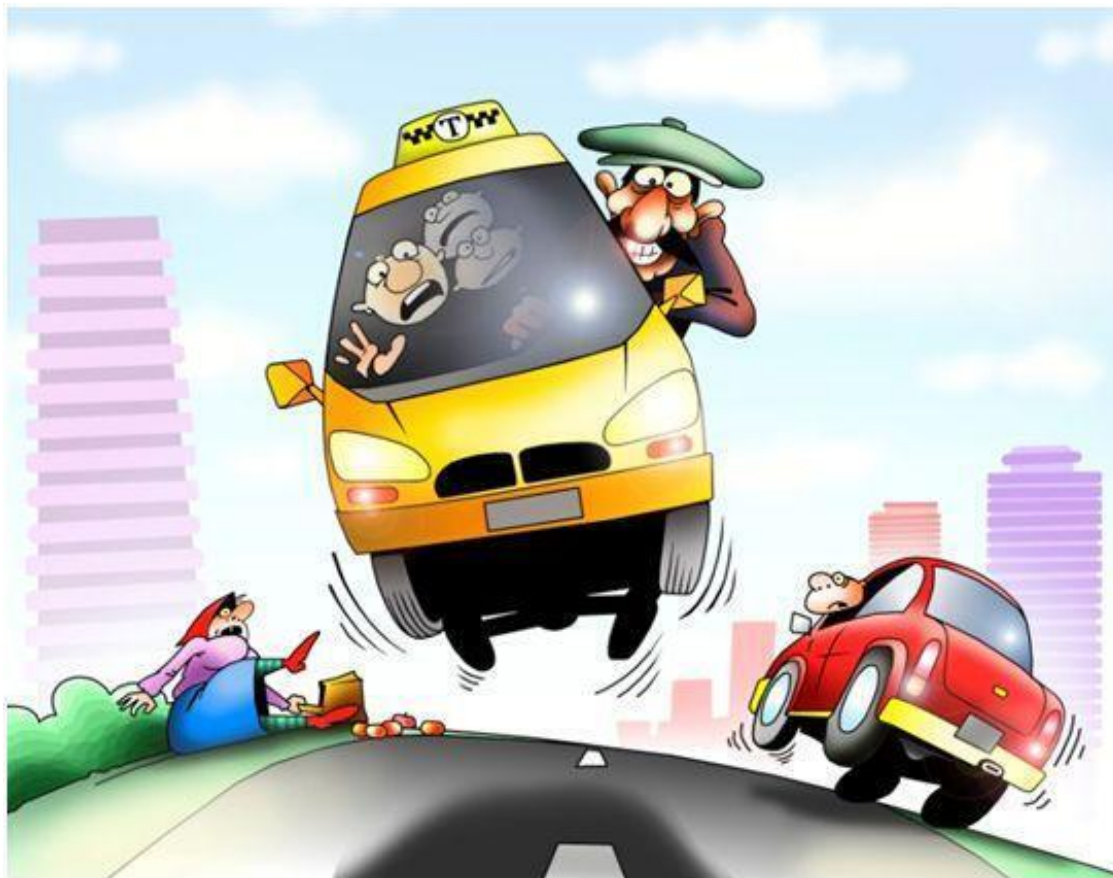

Архимандрит внимательно посмотрел на арапа. Тот почему-то густо покраснел, опять став похожим на вареную свеклу. Вот что государь! Ты давай, приноси один червонец завтра ко мне в Лавру, одного Вам на дорогу с избытком хватит. А я из монастырской казны немного денег вам дам. Остальные на пластиковой карточке будут. Есть у нас такие, представительско-экспедиционные карты церковные. ПИН код только тебе, государь сообщу. А ты Ванька сможешь в банкомате снимать по мере надобности.

Петр озадаченно уставился на арапа – чего это за карточка такая, которая денег дает и что за код? Ну, это доступ к твоему счету в банке, на который я реальные деньги положу. А карточка позволяет в разных городах деньги снять в железках таких – банкомат называется. Только карту не теряй, и, самое главное код никому не говори. Особенно арапу. Ишь, как глазищами ворочает шельма. Арап опять покраснел и отвел глаза. Да, ладно вам батюшка. Али я не понимаю. Никак крещеный. Архимандрит удивился – Ты? Крещеный? А чего? Вон Пушкин тоже арап был, но крещеный. Мамаля то у меня русская, вот и настояла, чтобы покрестили. Архимандрит разгладил морщины на лбу и произнес. Ну, это совсем другое дело. Благословляю вас. Жду утром. А мне нужно карту и деньги на дорогу приготовить. Переночевать, то есть где? Или сюда вернетесь? Царь, подумав, ответил. Да есть. У Афанасьича в кунсткамере и переночуем. Кубышку все равно сподручнее ночью искать, дабы не видел никто. Остальные червонцы перепрячу. Кто его теперь знает, вдруг еще раз сюда или еще дальше во времени занесет? Спасибо отче, мы пошли. Архимандрит вдруг хлопнул себя по лбу. Ай да куда вы в таком виде? Внимание привлекать будете, да еще с деньгами. Он крикнул давешнего паренька Фимку и велел ему проводить гостей в церковный складик, куда прихожане по обычаю свои старые вещи для

малоимущих приносили. Склад был большой. Вещи хоть и не новые, но постиранные и отутюженные трудолюбивыми монашескими руками. Арап был одет и так по-современному. Меньшикову быстро подобрали брюки, сорочку, легкую летнюю курточку, ботинки. А вот с Петром пришлось повозиться, учитывая его не малый рост и широкие плечи. Наконец, одели и его. Петру достался серый костюм, легкая рубашка и шляпа. Арап, окинув его взглядом, хохотнул. Ну, вылитый Вили Токарев, только похудевший, усищи такие же. Меньшиков тут же отвесил Патрислумумбову привычную затрещину. Ахал бы дядя, на себя глядя. Свою одежонку тоже заберем. И сукно получше, да и, если вернуться удастся, в такой одежде анафеме предадут. Многим повод будет царя во мне не признать. Пошли уже. Дел невпроворот. И троица пошла обратно на Невский. Архимандрит широко перекрестил их во след.

Настроение у арапа поднималось, несмотря на полученную затрещину. Он понимал, что насколько Петр суров, настолько и щедр если выполнить все, что задумано. Ну что? Спросил он у Петра – ловим такси и на Васильевский к Гаврилу Афанасьевичу? Алексашка сказал – Мин Херц! Время до ночи еще ого-го сколько. Может, перекусим где-нибудь? На что Петр отвечивал – и в самом деле – Артамоны едят лимоны, а мы молодцы едим огурцы. Пора потрапезничать. Ванька! Есть тут рядом чего?

Арап – а поехали опять в «Третий Рим», там потом и до кунсткамеры недалече. Небось, давешних Исурула с Худодотом теперь там долго не будет. На том и порешили. Взяли такси. Опять попала потрепанная шестерка и опять за рулем сидело лицо похожей на предыдущего таксиста национальности. Арап не удержался – о, опять... красавец блиокепкий, грудь нараспашку, язык на плечо. Водитель открыл было рот, но, увидев габариты Петра промолчал.

Ванька велел ехать к Гостиному двору. На этот раз таксист вопросов не задавал, а просто вдавил педаль газа и машина с визгом, опять чуть не сбив очередную чугунную урну, вылетела на дорогу. Опять мелькнул Московский вокзал, Площадь Восстания, после которой машина пошла намного медленнее, увязнув в нарастающей послеобеденной пробке, но, пока еще не вставшей намертво, а ползущей в сторону Невы. Практически в каждой второй машине за рулем сидел гордый сородич таксиста. Почти каждый из них хотел показать своим пассажирам кавказскую удаль, от чего в разные стороны шарахались другие автомобили. Кое-как переползли Фонтанку. И встали как раз напротив памятника Екатерине II. Меньшиков с любопытством взгляделся в лицо скульптуры, что-то смутно припоминая. Потом вдруг, вцепился в плечо Петра. Мин Херц! Вскричал он. Это ж вроде Екатерина, на памятнике написано, а вроде и не она? На что арап ответил – ну, да Екатерина. Только ВТОРАЯ, царица, которую в народе прозвали – Великая.

Да и дворик за памятником в народе до сих пор «Каткиным садиком» называют. За внука твоего, государь замуж вышла, за Петра-III, да его, же и свела со свету. А там в глубине театр – знаменитая «Александринка», дочкой твоей Елизаветой учрежденный. Петр проследился. Живут мои корни, значит! Меньшиков же думая о чем-то своем, и, жадно разглядывая прелести памятника, вспоминал другую Екатерину. Он тоже смахнул набежавшую слезу. Пробка встала окончательно. Арап слегка поторговавшись, расплатился и предложил пройти пешком. Благо тут уже было недалеко. Перейдя через подземный переход Невский Проспект, они по Садовой пошли опять в сторону улицы Ломоносова. Справа тянулась Зеркальная линия Гостиного двора. Жарковато стало, сказал Петр. Эх! Дал бог денечек, даст и кусочек. Далеко еще Ванька? Уже живот подвело. Да и чарку выпить не мешало бы! Что скажешь, Данилыч? Да уж, едят да мажут, а нам не кажут. Эх, не перепились еще на Руси богатыри – добры молодцы. Пора, пора. Патрислумумбов тоже слотнул слюну и сказал. Да рядом, вон уже за углом. Вдруг Петр прищурился, узрев на другой стороне улицы знакомые клеши и бахрому на форме. Он напряг память широко улыбнулся и заорал на всю улицу – Грийишка! Железняк! Здорово служивый! Никак не узнаешь? Матрос опешил. Долго разглядывал похудевшего «Вили Токарева», не узнав Петра в новом наряде, и наконец, разглядев в троице своих давешних собутыльников, заорал в ответ – Петр Алексееич! Данилыч! Вот так встреча! Ну, устроили мы этим мацаедам и хумусологам в прошлый раз. Ладно братки помогли, а то бы эти музыкантишки накидали нам подарков моссадовских. За мной ОМОН четыре двора гнался. Ладно, я еще с учебки, тут все подворотни знаю. Ушел через проходной двор. Эх! Отметить бы встречу, да я опять на мели. Петр, уже привычно вытащил у Железняка сигарету, «Петра I», разломил и начал набивать трубку. Матрос с Меньшиковым тоже прикурили. Железняк уставился на Ваньку – а это что за Масяня – чернопопик с вами? Ванька тут же надулся – сам ты Хрюндель в бескозырке. Чего обзываешься? Петр прервал обоих. Цыц вы, а ты Железняк арапа нашего не забижай, проводник это наш – Иван Ситвияндыч Патрислумумбов. Матрос хохотнул – Ванька!? Патрислумумбов!? Дитя олимпиады штоли? Ванька хмуро кивнул. Железняк расхохотался – наш человек, в огне не горит, в воде не тонет. Петр густо пыхнув трубкой и пригласил – пойдем друже, кое какая денга еще осталась. Промочим горло. Балы да пирушки повыведут полушки, а баснями закрома не наполнишь. Меньшиков подтянул пояс и весело добавил – Ложка-то узка, таскает по три куска: надо ее развести, чтоб таскала по шести. Повеяло знакомым запахом из подворотни, вывеска «Тройной Рим» призывно блеснула лаком на солнце. В животе у арапа заурчало от голода. В темноте дверного проема замаячили знакомые деревянные столы и стулья. Потянуло пивком. Матрос уже привычно шлепнул своей широкой ладонью по пышному заду дородную официантку и произнес – ...а принеси-ка нам мать пару лафитничков холодненькой водочки. Селедочки, капустки квашеной.и побыстрее. Не видишь, у всех шланги горят. Официантка зарделась от такого обращения. Опять Вы!? Опять

драку устройте. Это ж ты усатый, когда еврея за пейсу возил, орал на всю улицу – Кто к нам с мечом придет! Тот в орало и получит? А этот , в Меньшикова наряженный дирижера из Александринки мутузил,. И тоже орал – Сарынь накичку! (*воровской язык ушкуйников – бурлаки , отойдите в сторону, выдайте хозяина*). Чего? Думаете, переоделись в цивильное, так не узнаю? Все потупились. Только Железняк весело щипнул официантку куда-то и проговорил. Ну, чего ты? Мать? Да не будет драки. Есть охота . Давай , для разминки, пивка, водочки закуски как тогда. Официантка недоверчиво посмотрела на него и проговорила – шланги шлангами, а финансы то у вас имеются? Алексашка моргнул арапу. Тот с сожалением вытащил 100 долларов, полученных от японца. Поменяешь ? Мать? Официантка проворно спрятала купюру. Чего ее менять? Дай грош – будешь хорош. Заказывайте, я вам сдачи рублями сделаю. Потом усмехнулась и добавила – если будет чего сдавать. Знаю я вас по прошлому разу. И ушла, гордо повиливая пышными бедрами.

Железняк восхищенно проводил ее взглядом. Потом повернулся к Петру и спросил – чего не веселы ? Вон , смотрю прикид поменяли. На что , тяжело вздохнув, царь отвечивал – прикид-то поменяли, да вот суть сиречь та же осталась. Матрос посерьезнел. Что ? Алексеич, проблемы? Может корешей кликнуть? Бока намять кому? Встрял Меньшиков – какой он тебе Алексеич? Титька ты тараканья. Перед тобой – истинный «Отец отечества, инператор всея Руси, Петр Великий! Петр остановил его. погоди Данилыч! Сам бы, небось, тоже не поверил? Железняк непонимающе уставился на обоих. Отец отечества?! Да вы чего, пацаны, белены

объелись? Тут вам не корпоратив ресторанный где Ваньку валять нужно. Тут все свои. Встрял арап – да пойми ты клешеносец хренов, нечего меня валять – Петр это , настооооаяящий с Меньшиковым. Из прошлого как-то занесло их сюда. Там Рассея беспризорная осталась , вот и переживают.

Подошла официантка , проворно расставила закуски , разлила по полстакана холодной водки и ушла. Петр взял стакан в руку и сказал – ладно, давайте для аппетита резкость наведем, а там видно будет. Выпили , крикнули. Железняк немедленно разлил по второй. Ну, как говорит бард Миша Кочетков – между первой и второй.наливай еще одну.

Выпили по второй. Крикнули. Похрустели огурчиками. Матрос прислушался к ощущениям внутри и пропел -

По длинному тракту идет караван,
Ведет его рюмочка водки.
За ней, чуть поодаль, усталый банан
И маааленький ломтик селедки.
За корочкой хлеба помята слегка
Редисочка полусырая,
За ней чуть надкусанный зуб чеснока
И рюмочка водки вторая.
И сразу же третья – глоток на глоток,
И все позабыв о ранжире,
Идет, попивая желудочный сок,
Картофель в парадном мундире.
Яйцо с майонезом, два шпротных хвоста,
Салат "оливье" восемь ложек.
И снова она непорочно чиста
Журчит между бушевых ножек.
(Леонид Сергеев)

Троица изумленно уставилась на Железняка, а затем все, сообразив, о чем песня расхотались. В этот момент в проеме двери появились две фигуры. Ну, конечно ими оказались старые знакомые Худодот и Исрул. Увидев матроса, и вспомнив его пудовые кулаки, они испуганно попятнулись к двери. Петра с Меньшиковым они не узнали в новом наряде. Железняк было дернулся за ними, однако, кулаки у Петра были пожалуй побольше матросских, да и силушкой бог не обидел. Царь придержал матроса и сказал. А ну погодь. Негоже все время с ними собачиться. Все ж мы им на «Благодати» дорогу перебежали. Эй уважаемые! Идите к нам мировую пить. Худодот, разглядев початый запотевший лафитничек с водкой, вкусно сглотнул слюну, и произнес. Таки, почему не выпить мировую. А? Исрул? Мировую не выпить нельзя, учитывая, чем это именно закончилось в прошлый раз!? Исрул покрутил на пальце единственную пейсу и произнес тоже. Я вас умоляю, они сначала из меня сделали монофонического гарнитурщика, хотя до того я был полноценный именно телефонист. Засунули таки дирижеру палочку почти туда, куда анекдотный дятел обычно долбит. Барабанщику сыграли полет шмеля его же колотушками по лысине так больно, что он еле проговорил – вот именно сейчас таки больно. Таки, вы еще спрашиваете – почему же не выпить мировую, ну так я вам и отвечу хотя бы на всякий случай. Не вижу причины не выпить. Петр ошеломленно уставился на актеров. На каком это вы языке заговорили? На жидовском что-ли? Гарнитурщики с телефонистами какие то. Ему отвечивал уже Худодот. Уважаемый! Позвольте все-таки вначале выпить. Уж больно она родимая, то есть я хотел сказать, проклятая холодком таки в графине манит. Арап быстро разлил. Выпили.

Худодот присев, степенно продолжил. Да обычный это язык. Просто уважаемый Исрул хотел сказать, что раньше он был таки ортодоксом, которых в Ершалаиме в шутку телефонистами зовут, из-за двух пейсов, которые на провода от наушников похожи. А когда Вы, уважаемый, разозлившись, и я вас понимаю, оторвали ему одну пейсу. Вот он и стал похож на человека с монофонической гарнитурой в ухе.

Ну, как говорил Шариков в «Собачем Сердце» – Можно я водочки выпью? Худодот разливая, продолжил. – И другим надо предложить, – сказал Борменталь, – и так: Сперва Филиппу Филипповичу(он налил Петру), затем мне (он налил Меньшикову), в заключение себе, Железняку и Ваньке Он поднял свой стакан в приглашающем жесте. Ну! Как сказал бы генерал Булдаков – за примирение! Все дружно выпили за примирение. Подошла официантка. И увидев новые лица, сказала. Ну! Что я говорила? Свинья грязи найдет. Какая там сдача? Еще гра-

финчик? Матрос тут же сграбастал ее рукой с наколками в якорях и залез ей усами в ухо. Ну конечно прелестница , и портвейну не забудь.

Петр опять погрузнел. Железняк , посмотрев на него сказал. Ну, чего там у вас случилось? Изливайте. Изливать начал Меньшиков. Да не поверите , мужики. Уснули с Мин Херцем в кабаке у Петрушки Милле, а поутру проснулись в саду у корабля « Благодать». Нас там видно за лицедеев приняли. Гульнули мы , на «Благодати» шибко. А лицедеями то Худодота с Исулом приглашали. Утром очухались, поняли , что в будущее попали. Вон арапчонок к нам прибился. Он провожатым вызвался. При упоминании арапа , тот, уже почти отключившийся , встрепенулся, и вдруг пропел тоненьким голоском –

«Кабы я была царица, -

Третья молвила сестрица,-

Я б забросила дела

и арапа родила».

Пропел, и, отключился.

Петр мрачно попыхивая трубкой , молчал. Меньшиков продолжил. Там Рассея без царя осталась. Смутаков полная страна. А мы тут прохлаждаемся. Потом Гаврила Афанасьевич – смотритель из кунст-камеры, где мы ночевали, порекомендовал в святое место сходить – в Лавру Александро-Невскую. Подались утром туда, да арапченка в метро потеряли. Зато с матросом познакомились. Он нас сюда привел. Потом Исул с Худодотом подтянулись. Шибко на

нас обиделись , когда узнали , что мы у них кусок хлеба на «Благодати» отбили. Ну, драку вы помните. На что Исрул, привычно хватаясь за несуществующую пейсу, пробормотал . Я вам умоляю, как же ее не помнить? До сих пор половина оркестра в обезьяннике сидит. Если б за нас соотечественники не похлопотали, и мы бы там суток 15 настенную живопись изучали. Меньшиков продолжил. Утром очнулись в тех же кустах. Ладно, Ситвияндыч пришел, как в воду глядел, что мы сюда же придем. При упоминании своего отчества арап вновь , не открывая глаз пропел :

«Жили-были, ели-пили,
С девками любовь крутили.
А когда пришла пора .
Нас прогнали со двора»...
И , он опять отключился...

Тут уже продолжил Петр. Добрались до Лавры. Встретились с архимандритом. Он посоветовал в Сергиев Посад, в самые святые места податься. Дескать, там до сих пор чудеса случаются. Вот завтра собираемся туда ехать. Ванька-арап в провожатые вызвался. А там что будет. Петр махнул рукой – наливай, чего-там ! Утро вечера мудренее. Переночуем у Гаврилы Афанасьевича, и в Москву подадимся. Ванька проводит. Было уж как-то, как тама в Сергиево-Печорской лавре от стрельцов бунтарских прятался и утков с колокольни постреливал, авось да повезет и на энтог раз. Авось дух Сергия Радонежского поможет. Эхххх! Кто-то в историю входит, а я почему – то влипаю...

Да! Матрос проговорил – недаром Миша Жванецкий говорил – главное в человеке душа!

Ну, бога в 17-м году отменили, ладно. Ну а душу зачем отменили впопыхах? Захмелевший Алексашка грохнул по столу кулаком. Эээх! Гуляй, помахивай, мощной потряхивай! Наливайте господа евреи. На удар Меньшикова по столу, опять заворочался арап, и вяло проговорил:

«Меняю рай в шалаше на шалаш в раю, а хорошему коту и в декабре март!».....

Ничего други, проговорил Худодот, аккуратно разливая водку. Как учит нас великая Кама Сутра – безвыходных положений не бывает.

На его заявление уполовиненный на одну пейсу ортодоксальный Исурул строго проговорил – Худик, имейте воспитанность, Ваш хорошо подвешенный язык всегда чешется.

На что Худодот отпарировал – Ой!Ой! Ой ! Улыбните улыбальник!!! Ися! Вы такой умный вам череп не жмёт ?

Исурул, побагровев, тоже отвестствовал – именно умный это Вы ! Не помните , как советовали уважаемому Семе жениться? Сема, почему бы вам не жениться на Софочке? Ну, подумаешь – немножко косая! Семэн хоть без очков почти ничего не видит, но даже он таки разглядел и ответил :

– Немножко?! Да когда она плачет, у неё слезы текут по спине крест-накрест.
Умнейший совет. Таки кому череп жмет? Худик? Я вам умоляю.

Худодот было хотел продолжить, но их перебил Железняк. Он гаркнул на них на весь ресторан – Цыц вы, титьки тараканьи ! Тут вон беда, какая у людей, а вы собачитесь как две Мумы. Меры не знаете !?

Худодот тут же начал разливать. Приговаривая – Мэру то мы знаем, но разве её выпьешь?..

Подобревший враз от приятного бульканья, Исрул добавил – Если выпил хорошо, значит утром плохо! Если утром хорошо, значит, выпил плохо!!! Похрустел капусткой, приговаривая – Без капусты животы пусты, Без капусты щи не густы.

На крик матроса вновь ожил арап, оглядел мутным взглядом комнату, глубоко вздохнул со всхлипом, и опять тоненьким голоском пропел :

Люблю грозу в начале мая

Как шибанёт – и нет сарая!

Скелеты плавают в пруду,

Мозги висят на проводе...

После чего, вновь отключился.

Вечерело. Петр , обращаясь к Меньшикову – Алексашка! Буди Ваньку , пора и честь знать. Сколько гостя не корми, он все равно напьётся, а нам сегодня надираться , ну никак нельзя. Сам знаешь, есть еще дела подготовительные около кунсткамеры. При его словах – «про дела», арап мигом ожил. Чмокнул губами и вякнул – да готов я , одна голова – хорошо, а два сапога пара.

Худодот тоже не удержался и вставил – таки истинная правда. Я заметил, что с помощью бутылки водки и табуретка легко превращается в кресло-качалку, если есть дела важные, лучше голову держать свежей. А уже завтра сегодня будет вчера!

Петр мрачно проговорил – правда народ говорит – мудрость не всегда приходит с возрастом, бывает, что возраст приходит один, самый тот случай. Повзрослел на 300 годков, а мудрости так и осталось всего на 40.

Наливай посошок!

Худодот засуетился – таки налито уже Мин Херц! Выпили , крякнули. Подошла официантка. Петр по царски обратился к ней – а что , мать! Осталась там денга у нас еще? Принеси тогда матросу с иудеями еще лафитничек и закуски. Да и сама пригубь за нашу благополучную дорогу. А нам пора и честь знать. Все по очереди обнялись, причем Железняк несколько раз , как бы по ошибке обнял официантку, и пощипывая ее в разные места , поцеловал. Впрочем она , похоже не очень от этого расстроилась. Меньшиков , глядя на них , сглотнул слюну.

Петр смахнул слезу , проговорил – без крыльев не улетишь. Резко повернулся спиной, и размашисто пошел в сторону Невского. Алексашка добавил – батюшка Питер бока наши повытер. Побежал вслед за Петром. Арап только пожал плечами – Во что влюбился, то и целуй. И отправился за ними.

Точку поставил Железняк – Мдаааа! Интересно-сели девки на шпагат! Ну, что же!

Большому кораблю, большая торпеда.....прощевайте.

Петр вышагивал широкими шагами, попыхивая трубкой. Меньшиков и Патрислумумбов еле за ним поспевали. Дойдя до Невского, Петр остановился, соображая, куда идти дальше. Запыхавшийся Ванька потянул его за рукав в сторону Невы. Вечер набирал обороты. По Невскому проспекту шла плотная толпа питерцев, возвращавшихся с работы и туристов. Петр, возвышаясь над толпой, айсбергом прокладывал дорогу. Слева проплыла громада Казанского собора. Справа, по каналу Грибоедова – Спас на Крови. Впереди замаячили шпили Адмиралтейства. Перешли Мойку по Зеленому мосту. Справа в проеме промелькнула арка Дворцовой площади. С Невы потянуло прохладным ветерком. Морщины на лице Петра чуть разгладились. Нева, великая русская река принесла Петру хоть какое-то мимолетное спокойствие. Какую-то уверенность, что все наладится. Петр улыбнулся, замедлил шаг и почаще начал пыхать душистым дымком из трубки. Пусть табак был сигаретный, а не голландский трубочный, Петр – государь Российский. Табак табаком, на то и царь, чтобы в любой ситуации найти выход. Петр вдруг вспомнил байку шута Балакирева – Даже если вас съели, у вас все равно есть два выхода...эта фраза настолько подходила к ситуации, в которую попали Петр и Меньшиков, что царь невольно хрюкнул....

Меньшиков на то и Меньшиков, настроение Петра он чувствовал интуитивно. Алексашка тут же понял, что Петр – это опять Петр – Великий, самодержавец Всея Руси, он махом догнал Петра, пристроился рядом. Пыхнул сигареткой. К слову сказать «курительные» палочки пришлось по душе Меньшикову. Он уже строил в голове планы, как наладить их производство там ...дома. И понимал, не малую выгоду для себя от такой инновации.

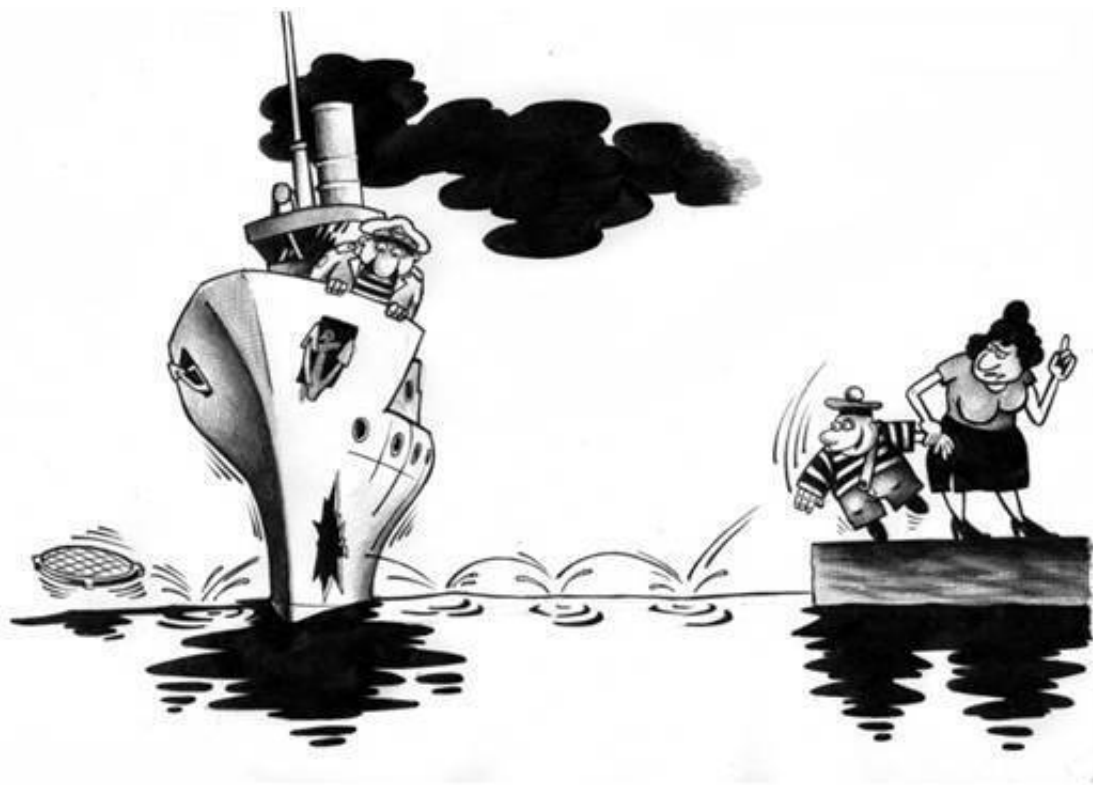
Догнав Петра, он дернул его за рукав. Слышь! Мин Херц! Канешно – Яйца курицу дисциплинируют. Это я про себя, но с другой стороны. Яйца от курицы недалеко падают. Нам бы струмент шанцевый какой!? Может, Ваньку спросим прикупить лопату, али мотыгу. Чем ночью схорон копать будем? Петр задумался, потом произнес – а и верно. Ванька! Арап, запыхавшись, подбежал к Петру. Чего изволите...ссс (это вот ..ссс...самопроизвольно брякнулось из Патрислумумбова. Все ж русский, хоть и арап. Насмотрелся в детстве фильмов по Достоевскому, Толстому...). Ты это чего!? Опешил Петр. В Их с Алексашкой временах, пока еще не было такого выражения – чего изволите....сссс. Говори по-русски. Чего надо!? А надо вот чего. Ты, лопату, али мотыгу какую можешь спворить? Чем копать деньгу для поездки ночью будем? Не руками же!? Столь лет прошло, закаменела, небось, земляца. Да и закапывали глубоко, чтобы лихоимцы какие не нашли. Ванька призадумался. Потом хлопнул себя по лбу. Так вон в двух кварталах отсюда хозяйственный магазин! Ваш величество! Вы с Александром Даниловичем как прямо шли, так и идите, ежели я Вас не догоню раньше, на мосту через Неву постоите, на реку, на корабли поглазейте. А я как в магазее лопату прикуплю, так Вас догоню. Петр кивнул. А чего! Слышь, Алексашка, уж больно лепо на Неву глядеть стало. И берега не бревнами, как при нас, а гранитом выложены, и корабли диковинные тучами плавают. А уж крепость Петропавловскую тоже разглядеть надо. Сильна видать цитадель сия. Меньшиков, которому передалось настроение Петра, весело кивнул. Ага! Мин Херц! А уж барышни какие

по мосту ходят – загляденье. И он пропел протяжно –гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные.....

Петр зарумянился было тоже, но потом, что-то вспомнив, проговорил. Ох! Проказник, ну все одно сведет на баб. Верно, народ бает – старый волк, знает толк. Ладно. Пошли. Ванька ! Догоняй!

Не заставив себя долго ждать , арап быстро посеменял в боковой проулок. Петр с Меньшиковым, заметно замедлив шаг, двинулись дальше.

А вот и Нева. Черные мерные волны катились в сторону финского залива , как и в старые добрые времена. Не брало ее, матушку, время. Пушистые барашки то и дело появлялись на волнах. Ноздри Петра жадно глотали морской воздух. Взошли на мост. Остановились. Петр вновь окинул взглядом противоположную набережную, кунсткамеру, корабли на акватории Невы. Потом развернулся, и вновь от восхищения великолепием Зимнего Дворца, выдохнул. Алексашка! А и здорово. Ты посмотри , красота какая!?! Аж дух захватывает. Ох! Мин Херц! А ты погляди, вон в заливе справа, никак линкор выглядывает.

Громадина!

И у шведа , и у голландца, и у англичанина такого не видывали. Неужто наш? А вон гляди ,еще мимо Петропавловки чудо какое плывет!?! И оркестра на палубе играет, и мамзели с кавалерами отплясывают. Никак ассамблея чья-то. Петр смачно хлопнул Меньшикова по спине, от чего тот крикнул. Ладно, ишь разволновался, кавалер! Пошли уже, а то пока семь раз отмеришь – другие уже отрежут. Куда это Ванька запропастился !? И они зашагали на середину моста, где опять остановились , разглядывая набережные, стрелку Васильевского острова, Петропавловку.

Патрислумумбов в это время добежал до хозяйственного магазина. На дверях висела табличка – Буду через 10 минут. Арап подождал 10 минут, потом еще 10 минут, никто не пришел. Остановившийся рядом дворник, вылитый Юрий Никулин , играющий Тихона, из «Золотого Теленка», сначала с усмешкой наблюдал за тем , как Иван с нетерпением дергает ручку

двери, потом сердито произнес – Чего хулиганишь? Да еще в маске черной. Смотри ! Сейчас как свистну в свисток. Тебя мигом повяжут. Арап повернулся к дворнику. Ты чего дяденька? Чего я хулиганю? Вон в магазин надо. Написано – буду через 10 минут, а я уже тут все полчаса отираюсь. И не маска это никакая, а морда лица моя такая. От папани в наследство досталась. Дворник пригляделся и присел – Тю! Да это ж негра. Написано ему. Вон у меня на сарае чего написано, а я там инвентарь храню. Этой записке почитай месяц уже. Как сбежала Клавка продавщица с хахалем своим в отпуск, так и висит на двери. Магазин то государственный. Они там наверху думают, что она торгует с утра до ночи, и проверять некому. Арап в сердцах сплюнул. Эх! Бардак совковый. Что делать теперь? Другой магазин черт знает где, а мне лопата позарез нужна. Человек ждет. Дворник сочувственно произнес – давно помер? Ванька опешил – кто?

Ну , кто? Человек , который ждет. На кой ляд еще лопата посреди дня понадобится может. Патрислумумбов облегченно вздохнул – ну, ты дед даешь. Аналитик , блин. Чуть до инфаркта не довел. Спасибо тебе , добрый человек. Дворник почесал затылок и произнес – дык, спасибо не булькает. А если забулькает , так я , глядишь из своего инструмента лопату организую. Ванька расцвел – вот это дело. Держи дед соточку, и гони лопату. Тут уже оживился дворник. Дык, это мы мигом . Да за стольник, я тебе не только лопату самую лучшую выберу, с черенком без сучков, а и невесту , и не кобылу какую , а самую , что ни наесть настоящую раскрасавицу, найду. Айда брат негра в сарай. И они полуобнявшись пошли к дворницкому сараю, на котором действительно было огромными буквами написано слово, характеризующее далеко не то, что

могло находиться в сарае. По дороге Ванька проинструктировал дворника. Ты, дед это, негрою никого не называй больше. Нарвешься на настоящего негра из Америки, махом по сапатке схлопочешь. Это я – дитя олимпиады, только рожей черен, а душой, в мамку, русский. Да и зовут меня Ванькой. Мне то кучеряво, как ты меня назовешь. А вот настоящие, ух люто могут обидеться. Зови их афро-американцы. Дворник опешил – нифига себе припарка, штобы я у себя во дворе, у своего мусорника, да еще каких-то ниггеров боялся!? Как крикну своих – вон Пузырь со своей командой на лавке сидят. Эти быстро, хоть кому навалеют полную кружку. Да и не выговорю я такое – «афро-мафро-канцы».

Арап быстро бросил взгляд в сторону скамейки и узнав в компании давешних скинхедов, которые тоже поглядывали в их сторону, попрощался с дворником и, прикрыв лицо лопатой, чтобы не узнали, юркнул за угол.

В это время Петр с Меньшиковым потихоньку подходили к концу моста на противоположной стороне Невы. Петр уже нервничал. Ну, чего там арапченок застрял. Али случилось чего. Может, вернемся, Данилыч? Меньшиков обернулся в сторону Адмиралтейства, и приставив ладонь козырьком, присмотрелся. Да, ништо, Мин Херц! Вон кажись, он на той стороне появился. Ишь, как лопатой помахивает, аки минер перед рытьем окопа. Тут и Петр узрел Патрислумумбова. Ну, слава тебе, господи. Нашелся. Вона как антилопит, ажно пыль по мосту поднялась. А я было думал, сбежал он от нас. Куда он денется, Мин Херц! Он как про кубышку с червонцами услышал, аж в лице поменялся. Теперь за нами как нитка за иголкой ходить будет, пока свою долю не получит, или не подглядит, где мы остаток зароем. Вот я думаю, государь, а давай мы его на всякий случай напоим, в стельку. Дабы он ночью за нами подглядеть не смог? Петр задумался. А и верно, Данилыч. Деньги не щепки, счетом крепки. Так и порешим. Сейчас придет, велю ему водки добыть. Заодно и Гаврила Афанасьевича за ночлег отблагодарить нужно, да и самим не грех, после трудов праведных, чарку принять.

Подошел запыхавшийся арап. Ух, притомился. Чуть добыл лопату. Магазин то закрыт. Ладно, добрый дядька продал свою предпоследнюю лопату за тысячу рублей. Так что Ваше величество, придется мне эти деньги компенсировать. Сами мы не местные, люди не богатые. Петр важно кивнул. Не бойсь, арапченок, бомбардир сироту не обидит. Будут тебе деньги. Дай время, отроем ночью кубышку, добудем казны. А остались они у тебя? Деньжата? Сгонял бы за водочкой, Афанасьича за ночлег отблагодарить нужно будет. Да и поесть чего прихвати. Не будем же мы три здоровых мужика у дедка с внучкой на шее сидеть. Данилыч! Забери у него лопату, а ты Ванька дуй, давай, темнеет скоро. И ночь будет непроста, да и день новый хлопотный. Петр и Меньшиков пошли в сторону кунсткамеры, а арап привычно побежал к знакомому магазинчику в подвале. Постучали в дверь. Послышались шаркающие шаги. Гаврил Афанасьевич приоткрыл дверь и прищурясь, разглядывал гостей. Ты что ли? Петр Ляксеич? Ну, я с Алексашкой, деду. О! А я уж волноваться начал, али приключилось чего. А арапчонка куда подевали?

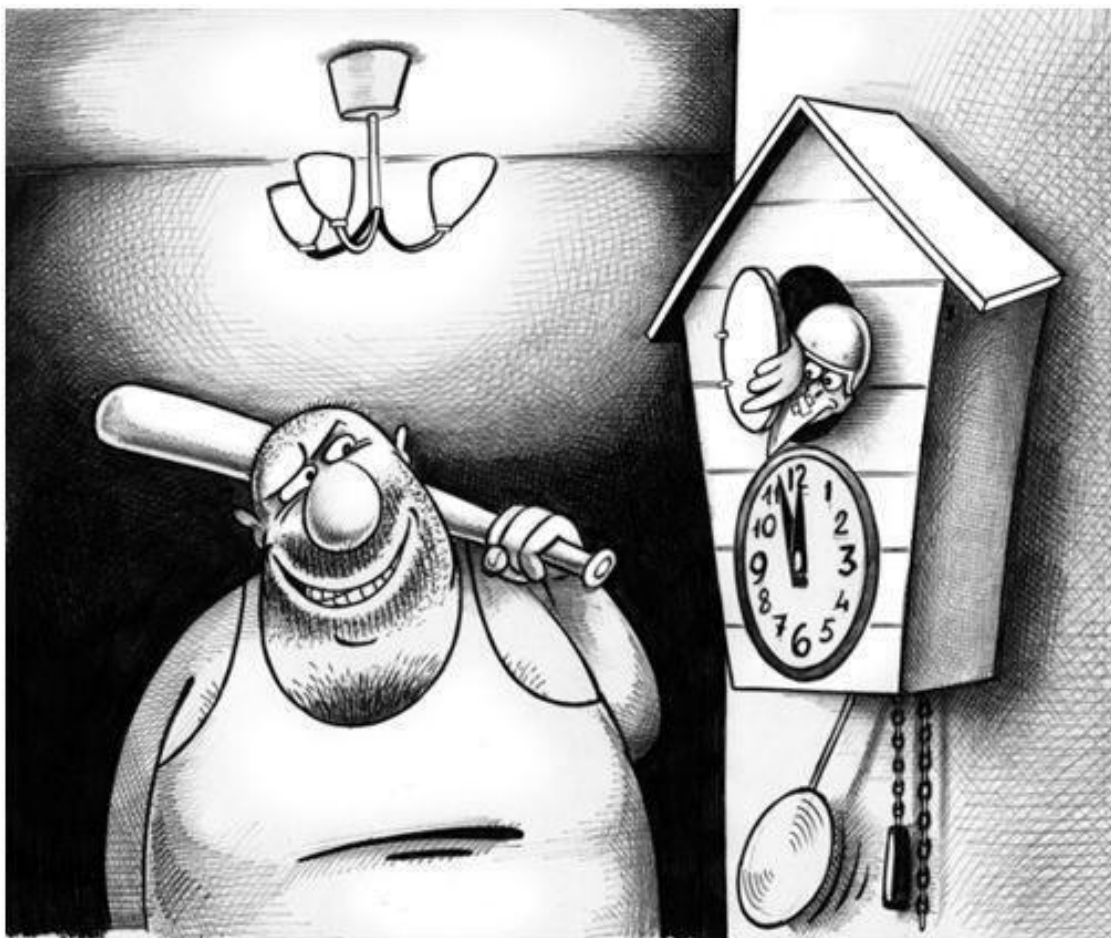
Меньшиков проходя за Петром в коридор ответственал. Да, прав ты отче, и приключений хватило, и хлопот. А Ваньку не потеряли, чего ему сделается? Послали за едой в магазее, да и то, чем ее запить, прихватить велели.

Сторож обрадовался – вот это дело, а то у меня всех припасов – кефир внучкин, и две картошины в мундире. Раздевайтесь братцы. Грейтесь, а я пока чайник на плиту поставлю. И он крикнул в соседнюю комнату – Пааараасковья! Встречай гостей. Оттуда послышался мелкий стук башмачков, и румяная внучка, сверкнув коленками прыгнула на шею Петру. А я уж думала, ты не появишься дяденька. Соскучилась по тебе. Мы с дедой пуговицу твою в витрину пристроили. Красиво получилось. Петр обнял хрупкое тельце, по обычаю смахнул слезу. Ну ладно, божья душа, пришел же как обещал.

Эх , жаль Ваське гостинца какого – пряника печатного или петуха сахарного на палочке не заказали. Хлопнула входная дверь, и арап, нагруженный пакетами с едой , проговорил. А чего заказывать-то. Али мы сами не сообразим? И он подал Петру прямоугольную упаковку тульского пряника со сгущенкой. Я еще и тортик – «Птичье» молоко к чаю прихватил. Меньшиков расхохотался и, хлопнув себя по коленке проговорил – Ай-да Ванька! Ай-да сукин сын. Удружил, так удружил , а ? Мин Херц! Петр тоже обрадовался – воистину удружил, молодца. Парасковья тут же зашуршала оберткой. Патрислумумбов начал накрывать на стол. Дед с внучкой весело таскали тарелки, вилки, ложки. Афанасьич, стесняясь поставил в углу стола на тарелке две вареных картошины в мундире. Внучка налила в стакан кефира , и вкусно почмокивая, запивала им пряник.

Арап быстренько нарезал колбаски, разломил на несколько частей печеную курицу, открыл банку маринованных огурчиков. Ну, куда же без них? Если на столе появилось две бутылки водки «Фрегат» и пяток бутылок пива «Невское». Гаврил Афанасьевич в это время нарезал ломтей черного «бородинского» хлебушка. Настрогал розоватого соленого сала. Крупно нарезал луковицу. Затем быстренько расставил 6-гранные лафитнички Дятьковского хрустала ручной работы. Рюмки были не дорогие . Их Гавриле Афанасьевичу подарила дочка. Куплены они были в подземном переходе, у старушки, возившей наборы по 6 штук прямо с завода. Старушка сама их покупала у работников завода за копейки. Денег на заводе не было, зарплату платили своей продукцией. Стенки хрустала были не всегда ровными , иногда на них попадались полоски, напоминавшие трещинки. Но! Это был настоящий хрусталь, а не поддельные китайские стеклянные рюмки. Отличие состояло в малиновом звоне при чоканье. В чем компания убедилась , разлив по первой. Звон от четырех рюмок отразился от потолка, поплыл в соседние залы. Как бы вторя ему, вдруг забили на разный манер многочисленные настенные и настольные часы.

Часы хором пробили 10 вечера. Пока все, выпив, прислушивались к ощущениям внутри, рюмочному звону, переливам курантов, Меньшиков ухитрился налить арапову рюмку повторно. Он толкнул его локтем, прошептал. Ну, а ты чего? Догоняй! Не обижай хозяина. Ванька изумленно уставился на полную до краев рюмку, которую только что выпил, но перечить не стал. Махом выпил и захрустел огурчиком. Учитывая его слабость к восприятию спиртного, две рюмки водки подряд, сделали свое дело. Василий икнул. Глаза его разбежались в разные стороны, потом сфокусировались на переносице, и только потом, приняв остекленевшее выражение, зафиксировались посередине. Меньшиков, не дожидаясь, пока глаза встанут на место, быстро налил третью. И опять зашептал – ну, ты чего? Тормозишь? Царя не уважаешь? Давай пей быстрее. На этот раз арап уже не удивлялся. Он размашисто замахнул третью рюмку, занюхал корочкой Бородинского, и плюхнулся на стул. Глаза его помутнели, корни прапрадедушки Пушкина начали охватывать корень мозга. Василия как обычно, при опьянении потянуло на поэзию. Он продекламировал :

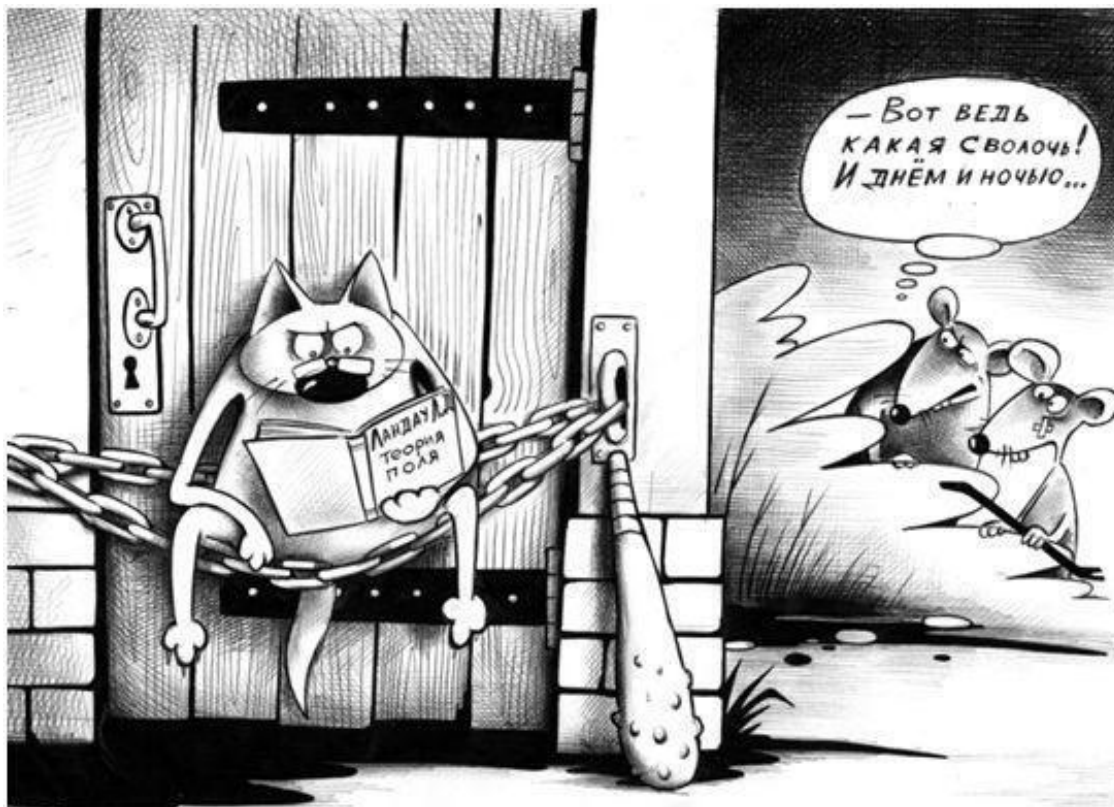
Ик! Русалка на ветвях висит.....

Ик! Там, на неведомых дорожках,

Давным-давно, растет картошка.....

Там тридцать витязей прекрасных, чредой стоят за постным маслом...

Ик! А ихний дядька Черномор, с прилавка стырил беломор....

Алексашка захохотал. Во, дает! Ну, точно от Пушкиновых родословною ведет. Сашка то Пушкин, как выпьет, тоже ТАКОе завернет, не встать, ни сесть. И этот туда же.

Ванька полуприкрыв глаза продолжил :

На горе стоит пивная! Да затейница такая!

Из трубы , дымок валит! Алкоголиков манит!

Звери – алкоголики! Заняли все столики.....

Тут приходит царь зверей!

Ну-ка! Рюмочку налей!

Слон, зажмурив , левый глаз! Убирайся! Ты от нас!

Тут пошла байда такая ! Отлупили попугая!

Лишь кабан не растерялся. Хвать бутылку , и смотался!

Крокодил ему вдогонку отдай падла самогонку.....

Тут, уж со смеху покатались все. Даже внучка хохотала своим звонким , как колокольчики голоском. Она не понимала и половины текста, но представив, прищурившего глаз слона, попугая, похожего на попугая Кешу, из ее любимого мультика, избушку с трубой, из которой валит дымок, похожую на любимый ею терем-теремок, ей стало очень весело. Силы покинули арапа, но коварный Меньшиков, прикинув, сколько времени уйдет на поиски кубышки, решил все, же не рисковать и при удобном случае влить в Ваську еще дозу.

Блаженное тепло разливалось по организму и у Петра , он слегка осоловел. Проблемы ушли куда-то далеко. Меньшиков смачно хрустел огурчиком. Захмелевший Афанасьич , крикнул, сказал – ну! Бог любит троицу. Выпили . Закусили.

Дед хулиганисто продекламировал слова старой дворовой песенки :

На троих придумано не даром

На троих придумано не зря
Ведь не даром в каждой чайной
Есть картина три богатыря.....

Петр хохотнул. Звиняй деду, что внук дедушку старине учит. Но проказник ты был в юности. На что Гаврила Афанасьич ответственал – а чего? Не фулюганили только ботаники прыщавые. А я нормальный был пацан. Помню, как то с мамзелью одной пошли мы на танцульки в Александровском саду, почитай годов шьшнадцать мне тогда было. Афанасьич спохватился – Парашка, ты это, давай закругляйся, спать тебе пора. Ишь, локаторы как у Чебурашки настроила. А, ну быстро умываться, на горшок, и спать. Парасковья и правда уже клевала носом, чуть не попадая в чашку с остатками кефира. Но девчушка была боевая, поэтому ответственала – да ладно деду, иду ужо.... А про мамзельку твою я уже слышала, не интересно, спать пойду. Воистину говорят – про доброе дело говори смело. Расслышав ее последние слова, Гаврила Афанасьич почему-то густо покраснел, быстро налил внеочередную стопку, и махом выпил. Девчушка, сверкнув штанишками, прыгнула к Петру на колени, чмокнула его в усы, потом, оттопырив мизинчики расправила платъице поклонилась остальным, прокричала – Бай эврибади!!! И зацокала каблучками в спальню.....На знакомые иностранные слова, на миг приоткрылись глаза у почти неживого Васьки Патрислумумбова. Он пробормотал – Натюрлих Маргарита Павловна, и вновь отключился.....

Петр с Меньшиковым изумленно переглядывались. Петр произнес...делааааа. Ты погляди Алексашка! У нас почитай на всю Рассею с десяток толмачей не наберешь, а тут и эта сопля-душа божья уже по англицки шпарит, и негра, ишь вроде по неметцки выражается. Дык, это он еще пьяный в дрова. А протрезвеет!? На скольких языках заговорит. Захмелевший Меньшиков хохотнул и проговорил – дык, это-ж великая страна. Нашего ведмедя только разбудить надо, он или навалает любому супостату по-первое число, или выдумает то чаво на белом свете вообще не может быть..

В такт словам Меньшикова кивал Гаврила Афанасьевич. Он настолько возбудился, что чуть, не скакал вокруг стола на стуле. Глаза горят. В правой руке вилка с насаженным маринованным огурчиком – корнюшон, по иноземному. К слову сказать, начал свою лекцию Афанасьич, такое название и красовалось на банке с огурцами. Правда, почему-то на банке было написано «корнюшон». Ну, да на это, в период перестройки никто не обращает внимание. Количество толмачей у нас, не намного превышает их количества в Петровские времена. И, хотя «холодная» война перешла в оттепель, за границу, даже в страны соцлагеря выезжают только дипломаты, и особо надежные доярки и кочегарки, награжденные поездкой за особо крупные надои, и самые энергичные кочегарья. Исключение, пожалуй, составляют студенты строительных отрядов «Дружба». А также Безвозмездного «Коммунистического» труда. Если первые, действительно, какое-то время работали в таинственном зарубежье, а за них в

нашем отечественном мухо....морске, работали их «обменные» иностранные студенты, то вторые, которые коммунистического труда.....Дед подсунул Алексашке рюмку.

Плесни, пересохло. Петр и Меньшиков изумленно выслушивали опус Гаврилы Афанасьевича, но тем не менее князь плеснул. Плеснул всем. Хряпнули. Крякнули! Сторож продолжил – то, вторые, которые «коммунистического труда» и не собирались работать. Презентации, митинги, брифинги.....все безвозмездно. Вот, в каждом таком стройотряде, и коммунистическом, и , обычном – те , которые – «дружба» обязательно был или командир из секретарей парткома , или комиссар из , как у тебя, государь, заплечных дел мастеров. Так, на всякий случай. С доярками и кочегарками ездил только заплечный , из сошек поменьше. Чего с них взять? С утомленных повседневным дерганьем мозолистых коровьих сисек, или, полирующих черенки саперных лопат бедолаг? Безобидныя. Надежныя. Ну, увидят прилавок с бюстгальтерами наших любимых в нашей глубинке размеров. Ну, кинутся, сметая прохожих, к прилавку. Ну, задавят одного продавца. Ну, да они ж и купят на все деньги , каждый на всю деревню этих бюстгальтеров , причем, по-ихнему не-ходовых размеров. Зато и план пятилетний по продажам этих изделий за раз выполняют. И больничные продавщице из своего карману оплатят. И пусть они, немощи немецкие не знают , что такое пятилетка. Но, вот что такое разовый доход, в размере пятилетнего, прочухали сразу. Всем хорошо. И продавцу руку загипсуют, и премию ему дадут ,бонус по ихнему, и завод опять шить эту спецодежу российским тюлькам начнет. Да и кайзеровская ткань парашютная времен первой мировой войны, наконец, найдет свое применение, нужно только место для шильдика " Дольче Габана" на бретельке утвердить на

совете директоров. И все, и, безработица у них уменьшится, и наши кочегарки с доярками, не как обычно, в чем мама родила – в одних носках, а в нормальной европейской спец-одежде защеголяют... Ну, кому плохо? Всем хорошо! А кочегаров просто надо караулить, чтобы они по привычке не покупали по тридцать дринок за раз, а покупали хотя бы по пять, и пива. Деда понесло.

Тут встрял любознательный Петр. Погоди дед! И так мудро говоришь, а вот тютельки – это чего такое? Афанасьич хохотнул. Ну, государь! Ну, уважил. В корень зришь. Все тютельки в корне. Небось, Ляксеич сразу смекнул. Тютельки это чего!? А слушай притчу. Встречаются как-то две мамзели на в трактире, кофию попить. Одна другой жалуется – ну вот , неделю назад платье себе сшила новое. У придворного костюмера заказывала. Сшил французишка. Денег извела столько, что пришлось имение фамильное в немецкой слободе заложить. Ну, платье вышло – блеск! Рюшки, итальянские кружева и подогнал тютелька в тютельку. Ассамблея через две недели. Начинают наряжаться... а платье не налазит! Вторая мамзель хохочет. Ох , матушка! Дык, наверное, тютельки подросли за две недели. Ты, наверное, платье шила в Великий Пост? Первая мамзель – ну , да. Вторая мамзель – а ассамблея когда была? Первая – ну, как раз , через две седмицы после Пасхи. Вторая мамзель ну и чего ты после поста? Небось, сразу, дюжину расстегаев с белорыбицей, поросенка с гречневой кашей, да еще на глазах у свиньи стрескала? Опосля гуся с яблоками, студня с хреном захомячила? Вот тютельки махом и подросли. Не переживай, товарка, скоро Петров пост начнется, ну, который Святых Апостолов... тютельки опять спадут. Ты, слышь-ка, еще одно платье закажи, а на примерку, через неделю после поста иди. Тогда у тебя под любые тютельки – и до-постовые, и после-постовые вариант будет. Сама так делаю. Дорого канешно. Зато конфузу никакого. Главное удержаться , и после поста , лишнего поросенка не съесть. Тютельки этого не любят. Никакая примерка не поможет. Последние слова Гаврила Афанасьевич договаривал уже как бы на «автопилоте». Его голова склонялась к столу. Нос Афанасьича уже дважды тыкался в оставленную Парасковьей «кефирную» чашку, от чего и оказался в кефирном пуху. Петр с Алексашкой покатались со смеху. Ну , Афанасьев сын! Ну, проказник. Однако царь быстро отсмеявшись , оглядел поле битвы, и, удостоверившись, что все кроме его и Алексашки спят крепким богатырским сном, произнес – воистину говорят, начали с того, что сообразили одну на троих, а закончили тем, что не соображал ни один из трёх. Пора и за дело браться Алексашка! Бери лопату арапову, пойдем кубышку вскрывать. Меньшиков поднялся, взял лопату и пошел к двери. Петр подумал и достал из витрины медный фонарь. Потряс, убедился , что он заправлен, пошел вслед за Меньшиковым. На улице с Невы тянуло сыростью. Небо было в тучах. Ни звезд, ни Луны. Темень стояла непроглядная. Петр достал из кармана подаренные еще Железняком спички и зажег фонарь. Пошли во двор кунсткамеры в садик. Там они долго искали ту самую кривую березу (сосну?) под которой был зарыт схорон. Меньшиков начал было копать, да вдруг под деревом что-то заворчалось, звякнули бутылки, и кто-то с криком – « Атас бомжарики! Со жмура канаем, а то коцнут менты про меж глаз, лопухи и отстегнутся!» Сиганул в кусты. Вокруг еще в 2-3 местах зашуршало, и неясные тени, мелькнув, исчезали в глубине сада. Петр опешил – чего-это Алексашка? Никак нищие тута ночуют. Меньшиков отвествовал – а ништо Минхерц, оне теперь далеко чесать будут. А вона дождь собирается, так к утру все следы зальет, будто и не было ничего. Поплевав на руки, Меньшиков начал копать. Слежавшаяся за столько лет земля поддавалась плохо. Через некоторое время Петру пришлось сменить Алексашку. Наконец, лопата глухо стукнула о деревяшку. Дубовый сундучок нашелся на том самом месте , куда его Петр с Меньшиковым и закопали еще в те давние времена. Петр смахнул набежавшую слезу. Как там Рассея!? Без него? Только вот это послание в виде сундучка с червонцами и связывает его с той Петровской Россией. Да... судьба. Петр отсчитал 30-ть червонцев, половину отдал Меньшикову, пять сунул в карман, остальное закатал в пояс. Слышь-ка Алексашка! Пожалуй, пяток червонцев Афанасьичу пожалую. Пусть порадуется. Да и внучка подрастает у

него? Воистину справедлив ты государь. Большой души человек. Петр отдал лопату Меньшикову – закапывай обратно остатки, авось еще, когда содится, тьфу-тьфу. Эвона ливень сейчас хлынет. Алексашка быстро закопал сундучок, притопал сверху ногами, забросал пожухлой листвой. Петр широкими шагами шел на выход из сквера.

Только его Меньшиков догнал, как развезглись хляби небесные. Ливень захлестал с такой силой, что деревья сквера попржиали свои ветки к земле. Потекли грязные потоки, запузырились лужи. Место клада мгновенно превратилось в обыкновенную клумбу. Все следы копки исчезли. Петр и Алексашка мгновенно вымокли, и уже мокрые до нитки, нырнули в подъезд музея. Заперли дверь, кое-как выжали одежду. Согрелись чаркой, уже не удовольствия ради, а здоровья для. И пошли устраиваться на ночлег.

Первым отнесли в каморку деда. Тот , что-то продолжал бормотать во сне про тютельки, делая любопытные пассы руками. Петр ласково укрыл Гаврила Афанасьевича висевшей на вешалке шинелью. Затем уложили арапа. Тут же , на диване . Арап попытался прочитать стих –

Как во городе было во Казани
Грозный царь пировал да веселился...
А потом осерчал , рассердился
За копеечку, что отняли у юродивого.....

Петр легонько шлепнул его по заднице произнес – спи ужо , Пушкин блин...

Сами расположились на диванах в императорском кабинете. Прошедший день был длинным, да и ой-ты господи водочка струилась по жилочкам. Оба мгновенно захрапели. Воистину говорят на Руси – с кем поведешься – с тем и наберешься.

Петр спал тяжело. Давила, ох давила, забота о Той Руси. Одна она горемычная – без Царя. Ох, эпитет – без царя в голове даже по отношению к человеку это уже сильно, а уж если – «без царя в голове» к целой стране!!?? СТРАШНО ЭТО. Смута это черная. Сколь сил Петр приложил шtbody объединить Русь. Шtbody выдернуть ее из болота боярского. Нет царя. Нет его и в голове. Ой-ей, улетит матушка Русь обратно в чернообрядовщину смутную.....спокон веков смутаков на Руси хватало.

Вот пролетела перед глазами черная птица смуты. Захотала почти по-человечьи, захлопала крыльями.....ударилась оземь и превратилась в бородатого стрелыца с бердышом в одной

руке и бутылкой Балтики №7 в другой. Стрелец едва стоял на ногах и горланил похабную песню :

Ой ты , гой еси , Царь наш батюшка
Ты куда пропал? Красно солнушко?
Ох, и сгинешь теперь на веки вечныя,
Отольются тебе слезы стрелецкие.
Стрелец пустился в пляс, похабно задирая коленки и делая рукой с бутылкой неприличные жесты.

Припев :

Ай, люлиии-люлиии. Ай бубу-бубу,
Ай, пройдем по Руси с бердышами
Все-то племя Петрово повырубим,

Все-то косточки их перемелем.
Перемелем, развеем по ветру,
И покажем всему белу свету,
Каковы стрелы удалые,
Каковы их головушки хмельные.....

Петр, во-сне сжал пудовый кулак , дотянулся до охальника , и впечатал ему звонкую оплеуху. Стрелец кувыркнулся в воздухе и полетел, сшибая с ног толпы таких же краснокафтанников. Стрелец все кувыркнулся и кувыркнулся, наматывая на себя новых стрелцов, и постепенно превращаясь в огромный колобок, колючий как еж, в котором вместо иголок торчали бердыши, мечи, бороды. Шар увеличивался, впитывая в себя смуту. И катился, катился все дальше к горизонту, а за ним начинала зеленеть трава, цветы и небо становилось пронзительно голубым.

На самом деле царь и вне сна махал кулачищами. А поскольку Алексашка спал на софе совсем рядом, то оплеуха, предназначавшаяся стрелцу из сна , досталась ему в реальной жизни. Кувыркнулся Меньшиков пожалуй не меньше , чем тот который во сне получил энту же припарку. Однако же Данилычу было не впервой получать от государя по сусалам. Он даже во сне четко понимал, когда действительно Петр серчал, а когда так, невзначай. Вот и тут , всем дном организма понимая , что припарка предназначалась не ему, Меньшиков не открывая глаз, заполз обратно на софу и молодецки захрапел.

Ему тоже снился сон. Как же без снов-то вещей, да еще в такой ситуации.

Почесав место, куда попал пудовый кулак Петра, Меньшиков свернулся калачиком и засопел в обе дырочки. Засопел и погрузился в свой тяжелый хмельной сон. Почему то ему сразу приснились Никита Демидович Антуфьев, или как его прозывали на самом деле Антюфеев и сын его Никита. Сам Меньшиков во сне был мало похож на себя, а похож сильно на киноартиста Леонида Куравлева. Хотя откуда настоящему Меньшикову Куравлева знать? Но сон он на, то и сон....чтобы соединять явь и навь. Явь , увы, осталась в прошлом , а вот навь – Куравлев , играющий в фильме Демидовы , видимо настолько пропитал собой реалии, что деваться было от него некуда....Алексашка страдал во сне, сучил ногами, переворачивался с боку на бок. Понимал, что не он это, а кто-то другой. Во сне, киношный Меньшиков постоянно менял свою сущность. То полу царская ливрея, то грязноватая кепка на голове вместо отороченного соболями малахая и с гаечным ключом в руке, то со словами – я же машинально Остап Ибрагимович , то наоборот , он стоит в соболях, но на каком-то балконе ,явно не рубленых палат, а мужик снизу в непонятном мятом головном уборе громко орет в сторону Алексашки -гониииии рубльррооооодственник.....мне Афоня рrrrrрубль должен. То его почему-то зовут Жорж Милославский, и он размахивает во сне рыцарским орденом , украденным у шведского послаа вот он же Алексашка Меньшиков, но опять с личиной Куравлева и в наряде Милославского сидит в жюри рядом сАлександром Масляковыми и Константином Эрнстом, Вуди Алленом, Эльдаром Рязановым , Пьером Ришаром, Чарли Чаплином, Михаилом Гайдаем, Георгием Данелией, и выбирает актеров для американской версии фильма – «Иван Васильевич меняет профессию». При этом , он на полном серьезе голосует!!!!???? Только во сне , чудесным образом он почему-то понимает смысл этого словаГОЛОСОВАТЬ. Так на роль Яхина (Пуговкин) голосовали за Гаррисона Форда, На роль Шурика (Демьяненко) – все однозначно проголосовали за Бреда Питта, за Пака(Этуш) – Дени де Вито !!!!На Марфу Васильевну – супругу Иоанна – выдвинули Дрю Берримор, но победила, как обычно Анджелина Джоли. За самого Милославского (Куравлев-Меньшиков) в кровь бились Кевин Костнер, Николас Кейдж и молодой Джек Николсон.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.